Авось, прорвемся!

Домовые - 1

Далия Трускиновская

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Они живут рядом с нами, при этом оставаясь незаметными.
Они заботятся о нас и о нашем хозяйстве.
Они – домовые! маленькие человечки с совсем не малыми проблемами…

- Глава первая И один в поле…
- Глава вторая В руках было, да меж пальцев проскочило
- Глава третья Пришел незван – поди же негнан
- Глава четвертая Пошло вкось да врозь – хоть брось
- Глава пятая Голь на выдумки хитра
- Глава шестая На словах и так, и сяк, а на деле – никак
- Глава седьмая Искал обороны петух у вороны
- Глава восьмая Худой жених сватается – умному путь кажет
- Глава девятая И на старуху бывает проруха
- Глава десятая Кто бьет, тому не больно
- Глава одиннадцатая То было время, а ныне – пора
- Глава двенадцатая Явились – не запылились!
- Глава тринадцатая Полно браниться, не пора ли подраться?
- Глава четырнадцатая Не верь своим очам – верь моим речам!
- Глава пятнадцатая Пошло дело на лад – и сам делу не рад

Глава первая И один в поле…

Где – не скажу, потому что с географическими координатами у этой местности туго, есть гора. Вот сейчас я пытаюсь представить себе эту гору, и получается неплохо. Она стоит на ровном месте и поросла красивыми деревьями. Очевидно, что-то с ней не так – оползти пыталась, что ли, и неведомый хозяин укрепил ее кое-где стенками из небольших, впритык уложенных, валунов. Тропа, извиваясь ведет к вершине, а на вершине что-то вроде дома без стен. То есть, имеется крыша с коньками и столбы, ее подпирающие, восемь штук. Все это – из светлого дерева, украшено резьбой и достойно солидного этнографического музея. Под крышей стоят березовые чурбаки, высокие и низкие, на которых можно сидеть человеку всякого роста.

А вот и человек. Как раз посередке и сидит.

Вид у него самый что ни на есть уличный. То есть, идешь по улице – и таких мальчишек, от четырнадцати до сорока, встречаешь чаще, чем по законам демографии полагалось бы. Особенно летом.

На горе как раз лето, и потому человек под крышей одет в майку с картинкой (рок-свинг-поп-рэп-группа со страшными рожами), в джинсы (низ уже совсем обтрепался), обут в кроссовки (никакая не фирма, наидешевейший самодуй). Его длинные русые волосы завязаны хвостиком, и еще у него на голове что-то вроде кожаной кепки козырьком назад. На шее, на темном ремешке, висит металлическая штуковина немногим поболее зажигалки и с невнятной чеканкой. Вид удивительно безалаберный.

Чурбан, который он для себя выбрал, ему высоковат, и поэтому человек сидит половиной зада и качает в воздухе левой кроссовкой.

Он ждет. Сразу видно – ждет. Но недолго.

Вообще-то он мне нравится. У него живая физиономия, склонная скорее к беззаботной улыбке, чем к благопристойной гримасе тягостного размышления. Кроме того, он живет по принципу «одна нога – здесь, другая – там».

И вот он услышал!..

Очевидно, услышал шаги. весь подался в сторону звука, на лице отразилась надежда, а потом притухла. Возможно, потому, что это были шаги одного человека.

И появился из кустов хмурый дядя.

Бывают такие мужички в полтонны весом, которые от собственной тяжести и силищи даже горбятся. Плечищи у них – вековые утесы, а взгляд говорит определенно и без всяких там

экивоков: «Ну, что пристали? Ща как дам!»

Одет дядя был как-то неуловимо, в зеленовато-серое, но чтоб я сдох, если могу так сразу назвать этот вид одежды! Балахонохламида какая-то, однако то ряд пуговиц блеснет, то пряжка ремня, а то вот галстук за дядей по траве волочится, как будто пытается выползти из штанины, хотя просвета между ногами я не вижу, и, следовательно, этот мрачный тип – не в штанах…

– Здрав буди! – буркнул этот хламидоносец.

– И ты.

Дядя сел на чурбан, отчего чурбан сразу ушел на два вершка в землю. Теперь мне стало ясно, почему одни седалища еще высокие, а другие уже низенькие. Из-за пазухи балахона была добыта пачка сигарет.

– Здесь-то зачем? – неодобрительно спросил хвостатый человек. – Внизу не накурился?

Пачка словно вползла в открывшуюся щель, и складки ткани за ней сомкнулись.

Какое-то время они ждали вместе.

– Больше никто не придет, – сказал дядя.

– Авось подойдут.

Дядя посмотрел на хвостатого, словно бы буркнул: экий ты легкомысленный, все у тебя на авось…

Они подождали еще малость.

– Нет, не подойдут. Вдвоем совещаться будем.

– А если даже и так? – беззаботно отвечал хвостатый оболтус.

Дядя тяжко вздохнул.

– Ты как сюда попал?

– Запросто!

– Запросто – это как?

– Ну, шел себе, шел припеваючи, гляжу – а я уже здесь.

– По сторонам, стало быть, не смотрел?

– А зачем?

– А ты посмотри.

Хвостатый вечный мальчик взобрался на чурбан и, придерживаясь за подпирающий крышу столб, поглядел вниз.

Присвистнул…

– Вот то-то и оно, – сказал дядя. – Авось – он Авось и есть. А другим-то сюда и не пробиться.

– А ты?

– А я кто пристанет – того и хвачу. И дальше следую.

– Могуч ты, Кондратий, – со странным неодобрением заметил хвостатый.

– Ветер у тебя в голове, Авось, – отрубил Кондратий. – Нас со

всех сторон обложили, птице не пролететь, а тебе все трын-трава.

– Нет больше трын-травы, повывели, – ответил Авось, спрыгивая с чурбана. – Мне теперь все по барабану…

– Ща хвачу, – пообещал Кондратий.

– Не хватишь.

– Почему?

– А потому, что одни мы с тобой и остались… – Авось внезапно затосковал. – И где же все наши? Ведь никого же, Кондраша! Ни души!

– Ты только теперь до этого додумался?

– Ну…

Кондратий покачал головой.

– Вот то-то и оно, что на тебя, подлеца, положились! А ты перстом о перст ударил? Ты себе слонялся, пивом баловался! А наши все, поди, уж полегли… Мы последние остались, Авосюшка. Панихидку бы по нашим отслужить-то…

– А если не полегли? Если прячутся где-то? – с надеждой воскликнул Авось. – У стариков, у старушек?

– Теперь такие старушки пошли – кого хошь перематерят. Станут они наших прятать!

Некоторое время Кондратий и Авось дулись друг на друга: один – за разгильдяйство, другой – за горькую правду. Потом Авось опять вскарабкался на чурбан.

– Что же мы имеем? – спросил он. – Всего-то навсего сорок дивизий хреновых, с полсотни блинных, американскую гуманитарную окейскую помощь… Кондраша! Ты ведь – силища! Ты как хватишь!..

– Устал я хватать. Да и куда мне против дивизий? Просвистел ты, мил-дружок, наше царство. Пивом его баночным запил и гамбургером закусил.

– Да разве я?!

– Да на тебя же все положились! Только и галдели: Авось обойдется, Авось обойдется! Ну вот – обошлось… и костей не собрать…

И Кондратий, не прощаясь, пошел по тропке вниз.

– Куда ты?..

– Делом заниматься – английский язык учить. Он мне скоро понадобится.

С тем и отбыл восвояси.

Авось так и остался стоять на чурбане на манер памятника. Потом соскочил и треснул по чурбану кулаком:

– Врешь! Не одолеешь! Прорвемся!

Вид у человека, готового пойти с двумя кулаками против сотни дивизий, редко бывает умным. А чаще всего – взывает о

медицинской помощи.

– Так ты что же, в одиночку? – спросила я, высовываясь из кустов. – Ведь не управишься!

– Авось да и управлюсь! – злобно ответил он. – Они увидят, покойнички самозванные, – можно положиться на Авося! Вот тогда-то все и повылезут!

– Вот только восстания покойников сейчас и недоставало, – заметила я, потому что Авось уже явно терял чувство меры. – Нужно сесть и подумать, как ненасильственными и демократическими методами…

– Какими?!?

Столько издевки было в голосе, что я заткнулась.

Глава вторая В руках было, да меж пальцев проскочило

Когда Авось взбирался на гору, он действительно по сторонам, а также под ноги, не глядел. Проскочил на авось, никто его и не заметил. Но, спускаясь, он принялся остерегаться. Тут-то на него и обратили внимание!

– Это что за лох?

– Ты что, блин, фишку не сечешь? – спросила я. – Фильтруй базар, блин! Какой тебе лох?!

– Свои, блин! – крикнул кто-то не в меру ретивому часовому.

– Свои так свои, – он спорить не стал. – Только какого хрена вы там, на горе, забыли, блин?

– Типа трахались мы там, козел, – ласково сообщила я.

– Ну, трахались – другое дело! О-кей, проходите, блин!

Я схватила своего спутника за руку и поскорее потащила прочь от подножия горы.

– Ишь, стерегут. Охраняют!.. – бурчал он. – Да пусто же там!.. Кто теперь туда сунется?!.

При этом он яростно чесал себе ляжку.

– Иди-иди, стратег. Блинную полосу уж как-нибудь проскочим, а вот с хреновой будет сложнее… Что – блохи заели?

– Океем задело. Хуже лишая!

– А меня уже не задевает… – вслух задумалась я. И точно – не задевало. Привыкла. Обтерпелась. Сама правда океями не разбрасываюсь – в рот это дело взять противно. Однако другим спокойно позволяю…

Я даже хай не использую, хотя хай – это престижная новинка. Мне не нравится, как его пишут по-английски – «HI». Зато с блинами полный порядок, с хренами – тоже, недаром ведь они меня за свою признают.

Благодарны, сволочи, за то, что я умножаю количество блинов и хренов в мире!

Блин, что встретил нас первым, был совсем юный, радостно-розовый. Но другой оказался матерым блинищем. Оно и неудивительно – мало было надежды, что кто-то в этот день слезет с горы, давно уж на ней было тихо. А что потащатся на гору – подозрение имелось. Поэтому самый опытный караул разместили как раз подальше от горы – чтобы вовремя перехватить лазутчиков.

– Стоять, блин!

Разумеется, они вместе со своим зеленым джипом спрятались

за поворотом шоссе.

– Стой, – шепнула я Авосю, а сама решительно пошла к крепкому краснорожему блинищу. Он небрежно отдал честь – гляди ты, подумала я, и блинов вышколили…

– Во, блин! – ответила я на этот жест, вложив в голос все возможное восхищение.

И он понял – своя!

– Пошли, прибамбас! – позвала я Авося. Он хмуро подошел.

Ему и всего-то нужно было сказать – свои, блин! Больше ни единого вопроса бы не было. Но он дулся и молчал.

– Прибамбас? – усомнился блинище.

– Ну! Крутой, в натуре, прибамбас, да?! – меня что-то повело на то ли кавказский, то ли киргизский акцент, я спохватилась и дернула Авося за хреновинку темного металла, что висела у него на шее.

– Точно, прибамбас, блин, – согласился блинище. – А что он у тебя – типа немой, что ли?

– Холодного пива на хрен хряпнул, блин! – пожаловалась я. И скорее поволокла Авося прочь от засады.

Он обернулся и нехорошо посмотрел на джип с подтянутыми, хорошо сложенными блинами. А я нехорошо посмотрела на него самого. Ведь этим сволочам вычеркнуть – плевое дело… Ведь для того тут и сидят, чтобы ловить и вычеркивать, ловить и вычеркивать!.. Из жизни…

– Если кто спросит, отвечай – прибамбас, – учила я своего спутника, шагая с ним вместо по обочине. – На блина ты не похож, на хрена ты не похож, а за прибамбаса сойдешь… Тем более – с хреновиной.

Авось остановился и сорвал с шеи свою металлическую штуку.

– Это – хреновина, да? Это тебе хреновина?!.

– Ты чего?

Но ему было безразлично, что я отвечу, да и отвечу ли вообще что-нибудь. Он смотрел на свою висюлину, и в глазах у него стояли самые настоящие слезы.

– Ну, коли хреновина!..

Авось размахнулся и забросил прибамбасик в придорожные лопухи пополам с крапивой.

– Горе ты мое! Что же мне теперь с тобой делать?! – взявшись вывести его из опасной зоны, куда он проскочил, как ему и полагалось, на авось, я уже и сама была не рада. – Как же я тебя теперь за прибамбаса выдам?..

Посмотрела на него с укоризной и вдруг поняла, что еще не все кончено.

– Ты знаешь кто? Ты – прибабах!

Он даже не спросил, что это слово означает. А может, знал, но сделал вид, что мои высказывания ему уже глубоко неинтересны. Я же стала раскручивать мудрую мысль. Если про чудака все чаще говорят «с прибабахом», стало быть, уже где-то есть прибабахи! А что их никто не видел – так это не аргумент. Вот Авось пусть и будет первый!

Дорожный указатель сообщал, что до городской черты – ровно километр. Мы могли рассчитывать еще на один пост. Если блины – это еще полбеды, блины все – с широкими и добродушными масляными рожами, блина можно уболтать. А если злые и едкие хрены? И ведь скорее всего – хрены!

Всего километр, подумала я, по шоссе десять минут ходу, но, наверно, можно перепрыгнуть через канаву и пойти огородами. Не так комфортно, как по асфальту, зато есть шанс, что доберемся. Перспектива напороться на хреновый пост меня совсем не радовала. Там даже я так просто не отмахаюсь. Придется пускать в ход самое надежное средство – синоним. Хрены – они эвфемисты и прекрасно это знают. Они кочевряжатся, пока ты не пришлепнешь их синонимом. Перед ним они, как перед старшим по званию, стоят, сидят и лежат по стойке смирно. Пока едят ушами начальство – можно и проскочить…

Поскольку на свое новое звание «прибабах» Авось ничего не ответил, я и решила, что инцидент исчерпан, мой спутник осознал глубину своей глупости и дальше все пойдет как по маслу. Ошиблась!

– Ну, напарываться на хреновый пост нам ни к чему, а пойдем-ка напрямик, – предложила я. Но он, закусив удила, резко принял с места и так резво понесся вперед, что я насилу догнала.

– Тебе не терпится погореть? – спросила я, переходя с шага на бег. Ответа опять же не было. Я поняла, что он этим хотел сказать: авось пронесет. Но мне что-то мало верилось в удачу.

О том, что пост – хреновый, я догадалась, увидев двух девиц, что околачивались поблизости с бутылками пепси-колы. Сумок они при себе не имели – стало быть, сумки или рюкзачки остались на посту. Обе были похожи неимоверно – длинные, тощие, с лиловыми короткими волосами и в маечках выше пупа. Правда, одна была в шортах, другая – в символической юбке. Они неторопливо шли по шоссе, беседуя о своем, девичьем, и выглядели вполне довольными жизнью. Такие девицы только и смотрят, где бы подцепить богатого хрена…

– Эй, типа ты! – обратилась я к той, что в юбке.

– Типа ну?

– Там, типа, пост?

– Типа пост, – охотно ответила она.

– Хреновый типа?

– Типа реально.

Авось презрительно уставился не на нее, а на меня.

– Ну, тут мы с тобой и расстанемся, – бодро сказала я ему. – Ты меня типа проводил, можешь возвращаться.

Покосилась на обеих тип и добавила:

– На хрен…

И тут же для достоверности я попыталась его обнять, но он шарахнулся.

В момент объятия я бы сказала ему, что отвлеку внимание девиц типа «типа», а потом – и поста, он же, Авось, пусть чешет кустами, обогнет пост по дуге с максимальным радиусом и выйдет на шоссе уже почти в городе, там и пересечемся… Он прекрасно видел, что я хочу его о чем-то предупредить, но доблестно пренебрег. И устремился в просвет между девицами, едва их не раскидав, и понесся к посту, полный решимости умереть, но не унизиться!

– Типа крыша едет? – догадалась моя собеседница.

– Типа съехала! – и я поспешила следом, но опоздала. Пост был за поворотом, и стоило Авосю исчезнуть из моего поля зрения, как оттуда загремело яростное:

– Хрен пройдешь!

И в поддержку командиру – дружное, залповое:

– О-кей!!!

– Ой… – прошептала я. А подумала куда быстрее, хотя и была моя мысль гораздо длиннее, чем «ой»: ну все, царствие тебе, Авось, небесное, нет тебя больше в этом мире, один Кондратий остался!..

– О-кей! О-кей! – раздались одиночные возгласы. Я встрепенулась – неужели у Авося хватило ума стремительно залечь и пропустить залп над собой?

Похоже, так оно и вышло, а потом он кинулся петлять кустами. Инстинкт самосохранения оказался умнее его свихнувшихся от гордости мозгов.

Прорваться через опытный хреновый пост можно было только на авось. Он попытался – и сгинул в неизвестном направлении. Когда я подошла поближе, ругань на посту царила страшная, хотя и однообразная.

– Ну что же, – сказала я себе. – Сделано все, что возможно. И для человека, проснувшегося в кустиках на вершине этнографической горы, я совершила немало. А теперь неплохо бы проснуться еще раз…

Я напрягла все свои к этому делу способности и…

Глава третья Пришел незван – поди же негнан

Утро началось с телефонного звонка.

У меня есть начальство, которое меня нежно любит. Любовь проявляется так: мне позволено свободное плаванье в Сетях за счет редакции хоть ночи напролет, слово «дисциплина» в моем присутствии не произносится вообще, но в самое непотребное время суток меня вынимают откуда угодно и отправляют куда угодно. И если вчера я расхлебывала скандал между кришнаитами и общиной Синего Креста, значит, завтра обязательно окажусь на подводной лодке. Когда-нибудь я засну на грязной лестнице, под самым чердаком, в третьем часу ночи, устав расследовать обстоятельства безвременной смерти человека с трогательной фамилией Зайчонок, а проснусь в объятиях далай-ламы.

– Лети мухой! – велело начальство примерно месяц спустя после моего путешествия сквозь посты с безумным спутником. – Вот телефон – бу-бу-бу… Спросишь заместителя директора по фамилии – бу-бу-бу… Там у них на производстве то ли барабашки, то ли воры завелись. Если воры – черт с ними. Если барабашки – четыре тыщи в номер! О-кей?

– И картинку?

Начальство задумалось. Портрет барабашки – это было бы круто! Однако начальство знало пределы даже газетного реализма и на подначку не попалось.

Это оказалось мукомольное предприятие, на котором мельницы (не классические мельницы с крылышками, понятно, а вполне современное оборудование) повадились останавливаться по собственной инициативе. И голос притом слышался чуть ли не из глубины агрегата. А что произносил – не понять.

– Вроде звал кого-то! Вроде как ругался. Блажил, как резаный! – вот и все, что удалось узнать от свидетелей.

– И давно это у вас?

– Третью неделю!

– И что, по ночам?

Оказалось – всерьез машины останавливались дважды, в ночь с воскресенья на понедельник, и вопли тогда тоже были слышнее всего. Интересно, что наутро вызванным ремонтникам делать было нечего – техника, взявшись за ум, включалась и действовала как новенькая.

– Уж не прийти ли мне к вам в ночную смену денька через

два? – предложила я. – Посмотрим, как этот ваш барабашка к прессе относится.

Никакого избыточного энтузиазма я, честно говоря, не проявила. Просто мукомольный цех – в двух трамвайных остановках от моего дома, а раньше часа ночи я все равно спать не ложусь. То есть, если барабашка что-то смыслит в паблисити, то он появится до часа ночи.

Вместе со мной собрались ждать барабашку еще два человека, из них один – неженатый. А чего бы и не собраться – я же не чучело какое-нибудь!

В десять часов вечера мы встретились в административном здании, к половине одиннадцатого были в цеху, там забрались в бытовку, включили телевизор и сели пить чай. В полночь, как привидения, обошли цех. Несколько рабочих, дежурная смена, здоровались с нами несколько настороженно – кто ее, эту особу разберет, какая такая она пресса…

В половине первого ночи мы, сидя в бытовке за анекдотами, услышали крик.

– Барабашка! – откликнулись мы в три глотки – и ошиблись. Во-первых, очень отчетливо произносились всякие ненормативные слова, а во-вторых – голос стремительно приближался. Это был всего-навсего бригадир, и он столкнулся с нами на самом пороге бытовки.

Машины встали – почти все, ни с того ни с сего, но звуков еще не уловлено.

– Перебоев с электричеством не было? – первым делом спросила я.

– Ни одна лампа не мигнула, блин-блин-блин!

– Тихо!..

И тут мы услышали какое-то пронизывающее весь цех тоненькое подвывание.

– Он!.. – прошептал бригадир, а женатый мой соратник перекрестился.

Неженатый посмотрел на меня, ожидая обморока.

Я же вспомнила историю с ведомственным домом, куда чуть было сдуру не переехала.

Дом этот строили зэки в каком-то шестидесятом году, и строили для высокого начальства. Когда строителей увезли и запустили маляров, выяснилось, что великолепный, с высокими потолками и прекрасной планировкой, окруженный зеленью дом поет песенки. Зэки вмуровали в стены множество пустых бутылок горлышками наружу. Какое-то количество этих соловьиных горлышек отыскали и заткнули, но завывания продолжались. Несколько лет дом стоял пустой, и осенней ночью мимо него

было страшно проходить. Потом высокое начальство окончательно махнуло на него рукой и отдало народу. Народ в полном восторге вселялся, а следующий приступ восторга бывал обыкновенно в тот день, когда удавалось из дома выехать на другую жилплощадь. Думаю, там понемногу должно было образоваться что-то вроде заповедника глухих.

Вот поэтому я и спросила, не строили ли в последнее время в цеху каких-либо стенок или перегородок. Бригадир поклялся, что давно уж ничего не строили.

– Ну, тогда… – я набрала воздуху столько, что даже пресс окаменел, и заорала не слишком громко, но внушительно: – Ба-ра-баш-ка-а-а-а!!!

Если на правильном регистре держать голос, то он даже от решительного ора не срывается. Однако слушателей поражает наповал. Мои, во всяком случае, попятились. Тот, кто подвывал в агрегате, тоже замолчал.

– Боится – значит, уважает, – удовлетворенно отметила я. – А теперь попробуем-ка сесть в засаду. Может, удастся разобрать хоть слово…

Почему-то и мои соратники по ловле барабашек, и бригадир поняли это дело так: нужно всем четверым вколотиться в крошечную каморку, где со всех сторон врезаются в бока края длинных полок, и там замереть.

Мы и дышать-то старались потише. Мы и мысли-то отключили, только слух оставили – чему очень способствовала темнота. И дождались – опять скулеж поднялся.

– Еле? Какое еле? – первым вычленил знакомые звуки бригадир.

– Тихо… Мелет… – перебил тот авантюрист, что неженатый.

– Что – мелет? – хором зашипели мы.

– Барабашка мелет…

– На чем?..

И тут довольно внятно прозвучало:

– Е-ме-ля-а-а…

– Какая еще емеля? – спросил бригадир.

– Да нет же, «не мелет», – поправил женатый авантюрист. – Это он про технику…

– Смотри ты! Грамотный…

– Чш-ш-ш!

Барабашкин голос гулял по железной дуре (для меня все, от мясорубки и до синхрофазотрона, железная дура). Вдруг он раздался совсем близко, и мы разобрали отчетливые слова:

– Мели, Емеля!

Тут до меня дошло, кто колобродит в недрах техники.

– Твоя неделя! – выкрикнула я, распихивая соратников и выбираясь на оперативный простор темного цеха.

– Емелюшка!

– Кыш отсюда! – приказала я. – Нет тут никакого Емели! Кыш, кому говорю?! А то я тебя сам знаешь чем!

Имелся в виду окей.

Повернувшись к каморке, я сказала весомо, словно не слова, а золотые червонцы счетом выдавала:

– Больше никаких барабашек не будет. Он ушел и не вернется.

– А вы откуда знаете? – испуганно спросил бригадир.

– Я его прогнала. Сейчас техника заработает.

И точно – заработала…

Оба моих несостоявшихся поклонника, женатый и неженатый, как-то сразу заторопились домой. И я их понимаю. Думали – такая себе девочка в кроссовочках, непритязательная, с глазками, с ножками, с диктофончиком каким-то дурацким, а оказалось – ведьма!

Поскольку не в первый раз я сталкивалась с законным мужским страхом перед женщинами чуть выше себя по уровню интеллекта или способностей, то и не обиделась. Чешите, милые, по домам! Свежими анекдотами я вас снабдила, а больше вам и не нужно.

Но бригадир расставаться со мной не спешил.

– Как это у тебя получается? – спросил он.

– Как? Ты пословицу-то помнишь? А, дядя? – довольно сердито спросила я. – Мели, Емеля, твоя неделя!

– Как не помнить!

– Ну вот – барабашка пословицы любит. Ему сказали – он и ушел. Если у тебя дома заведется – ты его тоже тем же попотчуй. Только чтобы человеческое имя в пословице было!

– Какая еще пословица с именем? – не понял он.

– Тебе сколько лет, дядя?

– Шестьдесят второй.

– Так ты еще должен помнить, как по-русски говорят.

– А я что, не по-русски, блин?!

Я посмотрела на него. Действительно, человек и сам не заметил, как перешел с родного языка на блинно-хреновый.

– Ладно, потом поймешь. Пойду я. Хай!

– Хай! – с большой радостью, что может соответствавать молодежи нужным словечком, ответил бригадир.

Глава четвертая Пошло вкось да врозь – хоть брось

Авось ждал меня у трамвайной остановки. Он благоразумно спрятался за углом на случай сопровождающих лиц.

Осень – не то время, когда следует носить футболку, и потому Авось обхватил себя руками за плечи и только что не спрятал нос под локоть.

– Совсем сдурел? – спросила я его вместо «здравствуй-как-дела».

Как дела – и без того было понятно. Авось отчаянно искал тех, кого вытеснили, а то и вычеркнули блины с хренами. А где бы еще, по его разумению, обитал тот, кому положено откликаться на слова: мели, Емеля, твоя неделя? Там, где занимаются мукомольным промыслом! Только там он и мог укрыться от посторонних ушей, жить потихоньку с мастерами-мукомолами, носу не высовывать и ждать лучших времен.

Но Авось жестоко ошибся.

– Ты бригадира видел? – спросила я его. – Он старый сыч! Он еще должен был что-то помнить! Но имя «Емеля» не вызвало в его мозолистой душе ни малейшего отклика! А к молодежи и не подступись.

– Но ведь жив Емелька! – отвечал Авось. – Я Наталью отыскал, она его еще на прошлой неделе встречала!

– Наталью?.. – единственная, какая еще могла уцелеть в блинно-хреновом мире, кое-как к нему приспособившись, была в людях Наталья, а дома каналья. – Ну, эта и соврет – недорого возьмет!

– Так в людях же сказала, не дома…

– Ну, тогда…

Я задумалась. В самом деле – где еще можно молоть? И осенило меня самым невыгодным для кошелька образом!

– Тормози тачку! – велела я Авосю. – Любую!

Денег у него не было – да и откуда? Я смирилась с тем, что поеду не в последнем трамвае зайцем, а в такси за деньги. Мы сели, и я попросила шофера поймать одну малоприятную ночную радиопрограмму.

К профессии ди-джея я отношусь без малейшего уважения. А те ребята, которых держали на этой радиостанции, были настолько ниже среднего ди-джейского уровня, насколько Марианская впадина ниже Джомолунгмы. От их несгибаемо-радостной пошлости я балдела и немела. Но именно они были

мне сейчас нужны…

– …почти час ночи, и вместе с вами ваш любимый и ненаглядный Эдька Райт! Я сижу сейчас за пультом, в руке у меня банка пива, слвшите – буль-буль-буль, и я приглашаю выпить со мной вместе всех, кто не спит в этот замечательный ночной час!..

– Это что за чепуха? – удивился Авось.

– Ты дальше слушай…

Незримый Эдька заливался соловьем, наслаждаясь бессмысленным, но звучным плетением словес.

– Что может быть лучше банки пива? Кто подскажет? А? Не слышу! Так я сам скажу! Лучше банки пива могут быть только две банки! – изощрялся ди-джей. – А ровно через два часа и четыре минуты мы простимся с вами, и всю следующую неделю вас будет развлекать ваш лучший друг, любимец детей и женщин, лучший ди-джей этого города и окрестностей, и это будет полностью его неделя, так вот, это будет…

Наконец-то прозвучало желанное!

– Емеля! – воскликнул Авось.

Я попросила шофера остановиться и достала кошелек.

Потом, на ночной улице, мы некоторое время стояли у подъезда.

– Но это что же получается?! – горестно говорил Авось. – Если Емеля – на радио, то где же Варвара?..

– Варвара теоретически за границей, где-нибудь в Штатах. Там ей сделали пластическую операцию, восстановили нос… – принялась фантазировать я на тему «любопытной Варваре в дверях нос оторвали». – А потом она нанялась консультантом к папарацци…

Этого слова он не знал. Из новых слов Авось допускал лишь те, без которых ему лично не обойтись. Пиво «Пауланер» в его списке было на первом месте.

Я объяснила. Он едва не застонал.

– Слушай, а где ты вообще все это время был? Ну хотя бы последние лет десять? – спросила я. – В какой деревне прятался? Я же тебя уже целую вечность в городе не слышала!

И тут же поняла: все правильно. Поскольку в городе Авось вышел из употребления, он жил там, где его еще помнят, знают и любят. В какой-нибудь деревне, у милых старичков, на парном молочке…

Вот там бы и сидел, сердито подумала я, а его, гляди ты, на гору понесло! И за какой такой надобностью?

– Чаю не нальешь? – спросил он, глядя в асфальт.

– Пошли…

Чай в моем хозяйстве был всегда.

Он согрелся и стало ясно, что придется оставить его ночевать. Больше ему просто было некуда податься.

– Значит, на радио пригрелся, – размешивая сахар, сказал Авось. – Ну, что же в этом плохого? Там его поминают – там ему и житье. Послушай, ты ведь в газете работаешь – может, Варвара все-таки при вас кормится?

– А не проспал ли ты эти десять лет?

– А что?

– А пресса, милый, теперь в меру любопытная. Туда не лезет, где могут нос оторвать.

– А все эти скандалы с артистами?.. С певцами?..

Гляди ты, подумала я, и до тьмутаракани дошло, что Пугачева собралась с Киркоровым разводиться.

– А скандалы оплачены. Кто бы про них знал и помнил, если бы не скандалы?

Он вздохнул.

– Я еще Машу искал, – тихонько признался.

Хотите верьте, хотите нет, но я ощутила настоящую ревность.

– Возле Дворца бракосочетаний караулил?

– Ага – по пятницам и субботам, а в воскресенье спать залегал – мне же в ночь на понедельник Емелю нужно было выслеживать…

– Машу я тебе, если хочешь, найду, – пообещала я весьма пасмурно.

– Правда?!

– Правда. Это как раз нетрудно. Только на что ты ей? Она теперь умная, на авось полагаться не станет. Ей теперь реальные деньги подавай.

Он почесал в затылке.

– Ну, так всегда было, – помолчав, рассудил он, довольно артистически скрыв обиду. Ведь кто говорил: хороша Маша, да не наша? Тот, кто к ней посвататься не мог. А сватался тот, у кого деньги…

И так вздохнул бедняга Авось, что мне всерьез стало его жалко.

– Ты по Машке не тоскуй! – бодро приказала я. – Машка теперь манекенщица! Знаешь, сколько человек ее помнит? Как пройдет по «языку» в собольем палантине, так ползала сразу подумает: хороша Маша, да не наша! А телезрители? А потом, когда фото в модных журналах напечатают? Ты ей скажешь – хороша Маша, она нос задерет и ответит: да не ваша.

– Мне уходить? – вдруг спросил он.

– Куда ты пойдешь! Тебя первый же блинный патруль затормозит. Я не удивлюсь, если ты у них в розыске.

– Мне тоже так кажется, – сказал он. – Ведь многие только на меня и надеются, хотя вслух не говорят. А если соберутся, да скажут вслух, да еще хором: «Авось прорвемся!», то ведь и пойдут прорываться!

– Ты все еще не понял, что идти – некому? Города оккупированы, а деревни мало кому нужны, да за них Большой Блиняра с Большим Хренярой спокойны, потому что там исконно-посконная лексика все больше власть берет. Средства массовой информации – под контролем, в банк без «Хай!» и не входи…

Тут Авось прерывисто задышал, схватившись за горло. Я не сразу поняла, что это на него так «хай» подействовал. Когда поняла – ругнула себя за словечко. Надо же – само выскочило, я и не заметила.

Он кое-как продышался.

– Вот видишь? И с каждым днем этой дряни все больше и больше! Знаешь что, Авось? Возвращался бы ты туда, откуда явился. Там ты еще сколько-то продержишься. Видишь – когда все разбрелись, поодиночке еще кое-кто куда-то пристроился. Брось ты это дело!..

– Вы-то меня бросили, забыли, – он глянул исподлобья. – Да как же я-то вас брошу, если у вас на меня одна надежда? А, люди?..

Глава пятая Голь на выдумки хитра

Следующим подвигом Авося была охота на бомжей.

Разумеется, он не предупредил меня о своем безнадежном замысле, чтобы не стала отговаривать. Поэтому я первым делом столкнулась с последствиями: возвращаясь домой, увидела, что несколько кварталов оцеплено, а хреновый наряд проверяет документы.

Надо сказать, что бомжи находятся под особым хреновым покровительством. Выражается оно в том, что самым языкастым бомжам позволено кормиться при хреновых казармах. Поэтому простой человек, гоняя бомжа с лестничной клетки, чтобы не сорил вшами, рискует напороться на большие неприятности.

Но кто бы мог предположить, что из-за бомжей будет настоящее оцепление?!?

Моя пресс-карта доверия хренам не внушила.

– Что за газета такая?

– Самая что ни на есть хреновая! – радостно отвечала я. Сказать правду – это для журналиста всегда праздник.

Старый хрен, которого позвали, чтобы решить мою судьбу, с особыми продолговатыми нашивками на погонах, даже вверх ногами пресс-карту перевернул, даже с изнанки посмотрел.

– А хрена ли мне вам врать? – обиделась я.

– Знаю я вас, писак…

– Ну, хотите, пойдем ко мне, заглянем в холодильник! У меня же там только то, что с хреном едят! Сосиски, заливное! И тертого хрена в банках на два месяца запасено! Крепкого, с уксусом!

Мы уже так привыкли к оккупационному режиму, что в любой миг были готовы к обыску.

– Застольную молитву помнишь? – сжалился наконец старый хрен.

– Я – за хрен, а хрен – за меня! – я так вошла в роль, что даже слезы на глазах чуть не выступили, как у человека, нечаянно закинувшего в рот столовую ложку этой уксусной хренотени.

– Хрен с ней, пропустить, на хрен!

Недоумевая, из-за чего весь переполох, я поспешила домой.

Конечно, можно было не унижаться, а сразу воззвать к синониму. Это для них – круто. А если бы он тут же и явился? Что бы я с ним посреди улицы делать стала?!?

Представив себе эту разборку, я одновременно ужаснулась и развеселилась. Поэтому, когда Авось сверху меня окликнул, я так и застыла с окаменевшей улыбкой. В самой причем подходящей

позе – нагнувшись и тыча спичкой во взбунтовавшуюся замочную скважину.

Он сидел на подоконнике межэтажной площадки, вид имея самый жалобный.

– А, это ты? – спросила я, разгибаясь. – Тут ко мне какая-то сволочь залезть пробовала и замок повредила. Хоть дверь выламывай.

– Это я, – признался Авось. – Извини, пожалуйста… Я думал у тебя отсидеться…

– Так это тебя гоняли?

– Меня. Думал – получится… не получилось, но меня пронесло – они в этот подъезд только заглянули…

Естественно, подумала я, замок у меня такого качества, что на авось случайной железкой не вскроешь! Но ведь и ключ он теперь не желает признавать!

Железка на авось не проскочила, но…

– Иди-ка сюда, взломщик, – велела я. – Вот тебе ключ – и все у тебя получится!

Через минуту мы уже были на кухне. Я протянула руку, чтобы зажечь свет, но Авось удержал.

– Меня с улицы в окно увидят.

– Но что ты натворил?!?

– Я-то ничего, я Ивана искал с Богданом и с Селифаном, а их как корова языком слизнула…

Он подходил к каждому вонючему бомжу, тянулся губами к уху и проникновенно спрашивал: «Это ты, Ваня?» Бомж мотал головой, на что получал следующий вопрос: «А, может, ты ни в городе Богдан, ни в селе – Селифан?»

Восьмой по счету бомж оказался из тех, кому охота выслужиться перед хренами. Он признался, что носит имя Ваня. Но как-то подозрительно, и потому Авось уточнил:

– А кого из родни помнишь?

– Тетку Марью, – бодро ответил бомж. – Дядьку Егора!

– Ну так какой же ты после этого Иван, родства не помнящий?! – заорал возмущенный Авось и даже замахнулся на вруна. Тот с криком шарахнулся и побежал, громко взывая к блинам с хренами. Вот они и налетели…

Как Авось от них утекал, как бомжи его закладывали, как он чуть не выскочил прямо в объятия какому-то усатому толстому хрену с растопыренными ушами – все это было достойно Гомера, Бояна и Святослава Логинова.

– Выходит, они догадались, кто ты такой?

– А кто их разберет? Если даже и догадались…

– То это не для печати.

Да уж, плохо придется тому изданию, которое хоть на последней странице наимельчайшим шрифтом даст информацию: «К нам вернулся Авось»…

Я покормила его ужином. Он ел быстро и молча. Потом в полной темноте помыл посуду и сел к пустому кухонному столу.

– Не буду я больше никого искать, – сказал он мрачно. – Мы были сильны, пока мы были вместе. Тогда мы были единым целым, а теперь если и соберутся, так осколочки. И толку от них будет мало. Вон Машка жива – а что с нее толку? А с Емели? Они в новых условиях выкарабкались, а до других им дела нет.

– Обидно…

– Ведь сколько же народу развоплотилось! – воскликнул он. – И костей не собрать! Все ветром развеяно… Думаешь, почему эти масляные и злоедучие страну оккупировали? Они на пустое место пришли – туда, где нас уже не осталось!..

И замер с открытым ртом. Его осенило.

– Нужно заклинание воплощения, – диким голосом, словно сам себе не веря, сказал Авось. – Народ развоплотился – и нужно воплотить его обратно. Возродить! Собрать из того, что осталось…

– Ага – каждого конкретно, как кисель ложечкой в блюдечко! – рассердилась я. – Наверно, ребята, такая ваша судьба – когда приходит что-то новое, старое развоплощается и рассыпается в прах.

– Если бы что путное пришло – кто бы возражал?! – взвился Авось. – А тут вель одни блины, да хрены, да, прости Господи, мат-перемат! И тот какой-то унылый!

Он очень похоже передразнил одну парочку, которую я недавно наблюдала в парке на скамейке. Вот издеваются над матерщинниками, что у них через слово – мат, а у этих действительно он шел через слово, а выясняли они, куда делась начатая бутылка водки, и выясняли это, похоже, уже не первый день, так что и сами себе надоели, но остановиться не могли – мат не позволял.

– Да ладно тебе! – одернула я этого жалобного матерщинника. – Воплощение – это здорово, а ты уверен, что такое заклинание вообще есть?

– Должно быть! – воскликнул Авось. – Не может не быть! Непременно где-то есть!

– Всегда ты так: должно быть, да справимся, да прорвемся! А на деле?

Он повесил голову. И что мне было на это возразить? Авось – он Авось и есть. Разгильдяй и растяпа! Сто лет назад вел вперед лихое и шустрое воинство, и до сих пор от былого своего величия

никак не опомнится…

Впрочем, я тоже повесила голову, размышляя: кому бы в стародавние времена могло понадобиться такое заклинание воплощения? Вряд ли нашлись безумные волхвы, чтобы разработать его просто так – авось когда-нибудь внукам пригодится! Ведь и так у них все имелось, все действовало, все стояло на своих местах, в повторном воплощении не нуждалось. Род человеческий так устроен, что лишней работы почти не совершает, разве что по глупости. А может ли дурак разработать заклинание?

Мое размышление о пользе глупости Авось прервал тяжким вздохом.

– Был бы Фома! Уж он бы придумал!..

Фомы я не знала. То есть, нигде и никогда он мне не встречался. Но позориться перед Авосем я не могла, и потому притворилась, будто все понимаю. Как потом выяснилось, делать этого не следовало.

Глава шестая На словах и так, и сяк, а на деле – никак

Мы залезли в чулан, не имеющий окон, заперлись там и тогда лишь зажгли не лампочку, нет, – свечу!

Мало ли что? Если блины взяли Авосев след и добрались до моей квартиры, то увидели, что окна – темные. Окна – темные, а счетчик подозрительно быстро крутится! Тут даже круглый дурак догадается, что дело нечисто. А блины – они, конечно, круглые, и интеллекту у них негусто, но ведь хоть какой-то имеется!

В чулане мы, толкаясь и пихаясь, разгрузили коробку с зимней обувью и нужным в хозяйстве инструментом. На самом дне, завернутые в газеты, лежали четыре тома словаря Даля, кое-какая литература по фольклору, словарь Ожегова. Если бы у меня нашли все это добро – ни один адвокат бы меня защищать не взялся. Мы откопали прекрасное издание «777 русских заговоров». Конечно, мы не рассчитывали найти в них необходимое заклинание воплощения, но набрести на мысль, как его смастерить, – могли. Прямо в чулане мы сели за работу.

Настоящий заговор – в три версты длиной. Но нас интересовали краткие магические формулы, которые только и работают, прочее же – фундамент, из которого они торчат. «Встань передо мной, как лист перед травой» – вот пример такой формулы, но нужно очень точно определить, кто и зачем должен встать, и еще кое-какие важные мелочи соблюсти.

Мы наковыряли штук десять таких формул – и усомнились, что сможем обрастить их необходимой плотью. Нужно было что-то короткое и емкое. Полезли мы в раздел, где имелись заклинания для природных стихий, и Авось отыскал кое-что по замыслу своему подходящее.

– Восток да обедник, пора потянуть, запад да шалоник, пора покидать! – с чувством произнес он. – Тридевять плешей, все сосчитанные, пересчитанные, востокова плешь наперед пошла!

От такой метеорологической эротики я обалдела.

– Постыдился бы!

– А что? Из песни слова не выкинешь. Деды и прадеды это плешью называли, – несколько обиделся Авось. – И сказано же: пеши ходят, в руках плеши носят…

– Схлопочешь по уху.

Я сказала это негромко, но внушительно.

Впрочем, Авосеву мысль я поняла. Поморское заклинание для восточного ветра, что чувствовалось сразу, каким-то образом

способствовало великим переменам. И этот плешивый пассаж был из высшего слоя магии! Он работал! Как, впрочем, и большинство формул с генитальным наполнением.

Я не ведьма! А если и ведьма – то не потомственная. А если потомственная – то в семьдесят седьмом колене. И самую чуточку.

– Вот это обязательно надо взять – тридевять сестер, все сосчитанные, пересчитанные… – стал размышлять Авось.

– А братьев ты куда денешь?

– Тридевять братов?..

– Тридевять имен?..

– Ладно, поехали дальше.

Мы еще повозились с текстами, но ничего более удачного не нашли.

– Знаешь что? Ведь заклинание еще может быть в виде вопросов и ответов! – вспомнила я. Собственно, вопросы с ответами я встречала в сибирских заговорах, большого доверия мне не внушавших, ну да разница невелика.

– Это как? – заинтересовался Авось.

– Это вроде бы я своим вопросом готовлю фундамент, а ты своим ответом строишь дом. Погоди, сейчас пример приведу… Это говорят в бане, и одновременно трут ноги мочалкой.

Я завела глаза к потолку и заговорила нараспев:

– Ноги быку рубили? – Рубили! – Огнем их палили? – Палили! – Так и у рабы Марьи ноги без волос!

– И что, работает?

– Только у блондинок.

– Тогда… – и тут он основательно задумался.

Я понимала, что с ним происходит. Авось всю жизнь выкручивался на авось. Как-то оно само все ему удавалось. В большинстве случаев ему и думать-то было незачем – а просто ввязываться в затею со святым убеждением, что провала быть не может. Если же провал был неминуем – Авось широко распахивал голубые глазищи. делал ангельское лицо, и какая скотина могла причинить ему зло?

Думать – это для него было непривычное и трудоемкое занятие. Я даже испугалась, что все свои возможности он израсходовал, когда затевал облаву на бомжей. Когда он пытался железкой вскрыть мой замок, он уже не думал, это точно.

– Вопросы должны быть такие, чтобы подводить к конкретному ответу, – подсказала я. Он недовольно фыркнул – слово «конкретный» в последнее время легло под блинов с хренами. У них теперь все крупное, солидное, которое берешь в руки – имеешь вещь, только так и называлось.

– Значит, надо начинать с ответа…

– А какой тебе нужен ответ? Ты его сам для себя определи! Не на уровне формулы, а вообще!

Оказалось, что вообще – невозможно. Воплотись, родная речь? Так вон она – уже воплотилась, ходит в мундирах и при оружии. Куда уж дальше-то?

Так мы додумались, что каждую конкретную – тьфу! – пропажу нужно воплощать поодиночке. Тут уж можно было сочинить сколько хочешь наводящих вопросов! Авось так вдохновился, что даже вздумал идти на гору.

Гора – действительно сильное место. До такой степени насыщенное магией, что блины с хренами только вокруг караулами бродят, а наверх не лезут. Но караулов – три линии. И они совсем недавно ловили странную персону, которая сошла с горы и исчезла на городской окраине. То есть, они бдительны. И океи у них – на взводе.

– Ну, хоть на крышу! – взмолился Авось.

Мне тоже кажется, что для таких дел нужно забираться куда повыше. В пользу Авосевой мольбы был и еще один аргумент. Иногда заговоры осуществляются буквально. Поэтому лучше экспериментировать там, где нас никто не увидит и не услышит. А то еще явятся тридевять плешей и чья-то одна – впереди! В квартире я с ними сдохну, это однозначно! А с крыши их и скинуть можно. Если запастись лопатой…

Мы стали выбирать, кого воплощать первым. И оказалось, что к Ивану, родства не помнящему, очень трудно подобрать вопросы. С Богданом и Селифаном тоже возникли проблемы. Отрицательная частица нас чуть с ума не свела. Мы уж до того договорились, что ни в море, ни в океане, ни на Луне, ни в стратосфере Богдана с Селифаном нет – но как это увязать с их отсутствием в городе и селе, а потом с присутствием на крыше, не знали.

Только один вариант пришел в наши головы – не самый лучший, но единственный.

Что же касается возвышенного места – был недалеко от окраины один деревянный домик, где я провела как-то несколько месяцев жизни. Потом весь тот квартал собрались сносить, жильцов переселили, снос начали, да прервали. И несколько строений так и остались торчать, давая приют бомжам и примкнувшим к ним лицам. Если там среди ночи начнутся какие-то шумные безобразия – любой блин сразу поймет, что это у бомжей разборка, и вмешиваться не станет.

Не откладывая дела в долгий ящик, мы вышли из дома. Живу я не в центре, ношу кроссовки, так что добежать пешком до

любой точки в северной части города могу без проблем. А Авось – он вообще весь какой-то легкий. Главное было – не напороться на блинные и хреновые караулы и дозоры. Осторожность настолько обострила нам слух, что тяжелые шаги мерещились за каждым углом, и мы, петляя, уходили все дальше и дальше от нужного места.

– Ну, как нарочно! – возмутился Авось, поняв, что мы сами себе заморочили головы.

– Не пришлось бы идти на гору, – проворчала я.

– Если не получится тут – пойдем на гору.

Но судьба сжалилась над нами – мы в конце концов прибыли куда хотели.

У меня был с собой фонарик, мы посветили в окно первого этажа нужного домишки и увидели три продолговатые кучи разнообразного тряпья. Будить бомжей мы не стали, а полезли на второй этаж по довольно крутой лестнице. С площадки наверх вела еще одна лесенка, упиравшаяся в люк. Общими усилиями мы его подняли и выбрались на чердак, а оттуда через окошко на крышу.

Хоть тут условия были для нас удобны – не так уж далеко стоял уличный фонарь, и его света хватало, чтобы мы, не зажигая своего фонарика, могли свободно перемещаться по скату, не рискуя грохнуться вниз.

– Тебе это место подходит?

– А тебе?

Вопросы были нелепые – выбирать-то не приходилось…

Мы сосредоточились и приступили.

– Встану я благословясь, пойду помолясь, – негромко, осторожно вводя себя в легкий транс, заговорила я. – Выйду я в чистое поле, увижу я в чистом поле тридевять блинов, тридевять хренов! Какие в чистом поле блины?..

– Треклятые, – торопливо ответил Авось, чуть не сбив меня с настроя.

– Какие в чистом поле хрены?

– Треклятые!

– Тридевять блинов! Тридевять хренов! – провозгласила я достаточно громко. – Откуда они на нашу голову свалились?!

– Принесла их нелегкая! – грянул в ответ Авось.

И мы замерли, ожидая хоть какого-то звука, хоть свиста, хоть шороха.

– Чертовы блины! Чертовы хрены! – начала я лепить слова наугад, не веря, что мы с Авосем ошиблись в выборе средства. – Жили – не тужили, откуда же вся эта сволочь взялась?..

– Во, блин! – раздалось-таки снизу и из темноты. – Это кто

там развыступался?

И в пятно фонарного света вышел блинный патруль.

Глава седьмая Искал обороны петух у вороны

– Ща! – рявкнул командир, крепкий боевой блиняра. И так махнул рукой, что стало ясно – сейчас дом будет окружен, крыша взята штурмом, а мы – повязаны и доставлены в блиновку.

– Авось, лезь на чердак, прячься… – прошептала я. – Мне-то они ничего не сделают, я их – синонимом…

– Не полезу, обойдется, – отвечал он.

– Я океев не боюсь, а тебе они хуже смерти!

– Ничего не хуже… поскребусь два дня, и заживет…

– О-кей! – раздалось совсем близко. Ну конечно, что для тренированного блина двухэтажный домишко? Встали стопкой – и дотянулись до крыши! Стопочка – это у них старый прием, разработан был, правда, для масленичных игрищ и увеселений, но вот и в оккупационном быту пригодился…

– Какого хрена?! – возмутилась я. – Ща как пронесу на хренах!

Я не люблю пускать в ход мощный синоним хрена, от него потом во рту погано, а иногда приходится.

– О-кей?! – раздалось с другого угла. Это был бас самого командира патруля. Очевидно, он не поверил собственным ушам.

Прицелиться в темноте я не могла, разве что кое-как, на отзвучавший голос.

– Имела я вас в стрелецкую водку, в квашню и в сковородку, в тибетского гуру и в черную дыру!

Раздался удар типа «тум-м-м». Мне повезло – я сбросила наземь командира. И тут же за спиной раздался стон – Авось плохо переносил аромат подобных заклинаний.

Но блины, сволочи, наловчились действовать во всяких условиях. По непонятному нам сигналу они дали дружный, в четыре глотки, и узконаправленный залп:

– О-кей!

Авось не полетел с крыши только потому, что успел ухватиться за косяк чердачного окна. Но его сильно крутануло, и он влетел в это окно головой вперед, с криком не на выдохе, а на вдохе.

– Вы, типа, совсем? – заорала я в ответ на залп. – Крыша съехала?..

Вот ее-то мне, очевидно, в зародившейся магической атмосфере и не стоило поминать. А может, стоило.

Она, зараза, дернулась, словно снимаясь с каких-то незримых

штырей, накренилась и рывками, стряхивая с себя повисших блинов, поползла к сараю, продавила черный толь, каким у нас до сих пор кроют такие вот жалкие сараи, и остановилась, задрав к небу один край, как будто нацелившись им на далекие звезды.

От такого дела блины онемели. То есть, те, кому удалось соскочить без повреждений, стояли чурбанами, глядя туда, куда указывал край крыши. А тот, кого выломанным куском стены притиснуло к сараю, орал как резаный. Но, видно, блины здраво рассудили: раз так орет, значит, жив и не слишком пострадал. Так что сам и выкарабкается.

Я висела, держась за косяк чердачного окна, и это было несложно – еще ногой во что-то упиралась. Мне было страшно за Авося – сейчас, когда крыша так лихо съехала, он должен быть весь на виду. И достаточно блинам, увидев его светлую майку, радостно воскликнуть: «О-кей!», как тут же и будет ему карачун…

– Принесла же вас нелегкая! – не сказала, куда там, а сердито подумала я про патруль, так злобно, что дальше некуда.

– О-хо-хо-у-а-а-а!.. – был ответ моим мыслям. И прозвучал не в голове – прозвучал, чтоб я сдох, наяву!

Блины тоже его услышали и дружно повернулись на голос.

Этот пока еще незримый голос тянул свое «уа-а-а!» так долго, что черловеческого дыхания бы точно не хватило, и сводя его все тише и тише, завершил слабеньким «а-ха-ха-а-а…»

– Кто там, блин? – спросил командир патруля.

– А я, голубчики, не ждали?.. М-м-м-уа-а-а!..

Наконец у них хватило ума высветить фонариком то место, где пребывал голос. И увидели мы все толстую бабищу, такой необъятности, что впору по улице боком ходить, в старом ситцевом халате, в платке, завязанном узлом вперед, зевающую роскошно, с потягом, с треском косточек!

– Во, блин!.. – приветствовали эту бабищу ошалевшие блины.

– И кто ж это меня разбудил? – осведомилась она, переводя тяжелый взгляд с одной круглой рожи на другую. – Кто ж это додумался? А, масленые вы мои?

Я, вися на съехавшей крыше, смотрела на здоровенную тетку из темноты, поражаясь ее неслыханным габаритам. И понравился мне ее голос – уверенный, в меру суровый, но исполненный тайного веселья, свойственного обычно лишь тем, кто полностью владеет ситуацией.

– А чего тебя, блин, будить? – некстати развеселился командир. – Ты типа спала? Ну так иди спи дальше.

– Не-е! Разбудили – так терпите.

Она подняла голову и, убиться веником, увидела во мраке бледное пятно – футболку Авося!

– Ах ты голубчик мой! – воскликнула она. – Жив! Целехонек!

Блины, проследив направление ее взгляда, тоже обрадовались.

Боевой клич «Ща-а-а!!!» вырвался из четырех глоток. Командир махнул – и патруль кинулся штурмовать лишенный крыши дом, где на чердаке валялся потерявший от окейного залпа сознание Авось.

У одного блина хватило ума вбежать в двери, прямо от которых начиналась довольно крутая лестница. Он поспешил наверх, а бабища – за ним.

Треск, раздавшийся, когда под ней просела лестница, был какой-то апокалиптический. Дом рушился прямо на глазах. Заорали разбуженные бомжи. Оставаться на крыше было уже очень опасно.

Не люблю прыгать в темноту, но на сей раз – пришлось. Отпустив косяк и перекатившись к краю крыши, я соскочила прямо в кучу векового мусора и в ней застряла. Что и неудивительно – куча была мне выше колен. Ближайший блин метнулся ко мне…

– Все о-кей! – рявкнула я ему прямо в рожу, и он шарахнулся. С трудом выдирая ноги, рискуя остаться без кроссовок, я кинулась прочь от дома, и вовремя – он начал сам в себя проваливаться. Грянуло! И тут же блины подняли крик.

Отбежав шагов с десяток я обернулась и увидела угловатую и клыкастую развалину, над которой стояло облако пыли.

– Хреново… – пробормотала я. И точно, было хреново – ведь под обломками остался Авось. Глупый, несуразный, наивный, ничего в этой блиново-хреновой жизни так и не уразумевший!

Тут развалина зашевелилась. Воздвиглось нечто, как если бы встала на дыбы квасная цистерна. С этого темного тела посыпалась всякая дрянь, оно делалось все ниже, как будто сходило с пьедестала, и наконец все мы опознали бабищу в ситцевом халате. На руках у нее в позе «принцесса в обмороке» был Авось…

– Во, блин… – изумленно прошептал кто-то из патрульных.

– Гля! Он, блин! Держи, блин!

Это патруль заметил Авося. Но подступиться к тетке как-то не решался. Она до того уверенно шла сквозь останки деревянных стен, даже не пытаясь их обойти, что это поневоле внушало уважение. Она даже не раздвигала – она продавливала…

И тут до меня дошло, что она-таки явилась!

Никогда еще существо женского рода не вызывало во мне такого бурного желания повиснуть у него на шее.

– Ах ты, моя Нелегкая! – без голоса вскричала я и побежала

обратно к дому.

– Ну, будет, будет! – покровительственно сказала она. – Разбудили, подняли, ничего-то не растолковали! Что ж у вас тут деется? А надежа-государь наш – что это с ним?

Го-су-дарь?..

Вот этот – в майке со страшными рожами, в обтрепанных джинсах?

Так оно, надо думать, и было. На кого ж еще столетиями полагались? Да все же на него! Чьим именем дорогу сквозь огонь прокладывали? Да все же он – Авось!

– Океем зацепило, – объяснила я, хотя все было куда хуже: окей прошелся по нему по всему, и теперь бедолагу придется выхаживать, как малое дитя. Государь… ишь ты!..

– Куда нести-то? – совершенно не обращая внимания на блинный патруль, спросила Нелегкая.

– А это хорошо – что ТЫ его унесешь?

– Свои же, родные.

– Ты лучше вон их унеси!

Нелегкая поглядела на патруль и поморщилась.

– Приносить таких уродов случалось, а уносить?.. – пробормотала она.

– Да ты попробуй!

– Да не умею я! – взревела вдруг Нелегкая. – Я все больше приношу!

– Да ведь сцапают они нас сейчас! Вызовут по рации подкрепление и повяжут! – я уж была не рада, что мы с этой дурой связались. Тем более, что командир патруля сейчас как раз со своей поясной рацией и возился.

Стало быть, явится полувзвод блинов, сперва они добьют океями Авося, а потом и за нас возьмутся. Нелегкая-то уйдет – если в канализацию не провалится, а я?..

– И мы вызовем, – вдруг предложила Нелегкая.

– А ты заклинание знаешь?

– Какое еще заклинание? – она уставилась на меня круглыми глазищами. – Для сестрицы родной – заклинание?! Погоди, гаркнем вместе – и ее разбудим.

– Что гаркать-то?

– Кри-ва-я! – подсказала Нелегкая. – Ну, благословясь!

– Кри-ва-я!!! – завопили мы. И повторили этот вопль трижды. Никто не отозвался, не зевнул громогласно, не ругнулся – полнейшая тишина была нам ответом.

– Крепко же твоя сестричка спит, – наконец-то севшим голосом проскрипела я.

– Ничего, долго запрягает, да быстро поедет.

Нелегкая была спокойна, словно на руках у нее не висел тряпочкой помирающий государь-надежа-Авось, а вокруг не торчали вооруженные блины.

Пока мы вопили, блинный командир успел сказать в рацию те слова, после которых с ближайшего поста вылетают на подмогу все, способные держать оружие. Вроде бы и очень далеко зародился рев и гул, а и минуты не прошло, как окреп, налился силой и окружил со всех сторон. Это были общеизвестные зеленые блинные джипы, а хрены – те ездили на белых, словно бросая вызов дорожной грязюке.

Оставалось только юркнуть в развалины – и тем продлить ненадолго свою свободу. Отстреливаться – и то было нечем. Мой репертуар не то чтобы иссяк – кое-что я еще помнила, могла и сочинить на ходу, но отбиваться пришлось бы непрерывно, и столько бы я не выдержала, я же все-таки не уголовник! А если сейчас помянуть страшный синоним – то, чего доброго, Авось не выдержит. Хоть он и в полной бессознанке, но дыхание-то пока работает…

– О-кей! – крикнула я, видя, что блины окружают развалину с нами тремя вместе. – Имела я вас в рыло, в светило, в дрозда, в ежа и в три этажа!

Пошатнулись четверо, как я и рассчитывала. Они должны опомниться минуты через две – и ведь очухаются, сволочи! Но стояли эти четверо рядом – и мы вполне могли проскочить!.. Если сейчас дернуть за локоть и пихнуть вперед Нелегкую – она ведь и без слов поймет, что нужно бежать!

– Ого?! – изумилась Нелегкая.

Я думала – моему словесному изыску, а она углядела белый автомобиль, которого я за зелеными и не приметила. И него выскакивали господа в бежево-рябеньких комбинезонах – распроклятые хрены!

Понять что-то в их субординации мог только мужчина. То, что хрен выше блина, для него – само собой разумеется. А я, женщина, видела другое: блины – оперативники, они всюду пролезут, всякое слово под контролем держат, и в оккупированной местности именно они наводят порядок, понемногу просачиваясь во все щели. Хрены же – некие статичные боевые единицы, которые прибывают на поле боя, когда уже сказаны роковые слова: хрен с ним! Конечно, едки, язвительны, ядовиты, но уважения к ним, как к армейским чиновникам, у нормальной женщины быть не может.

Вот теперь эта команда могла брать нас голыми руками.

– О-кей! – радостно грянуло из всех глоток. Я кинулась вперед, чтобы прикрыть собой Авося. Мне-то что, я и сама такой

окей выдам – мало не покажется, а он, горемыка?..

От залпа Авось содрогнулся. И как-то разом обмяк на руках у Нелегкой. Похоже, мы не уберегли его.

И тут взвыла сирена!

Глава восьмая Худой жених сватается – умному путь кажет

Это был такой переливчатый вой, что все мы обалдели – и осаждающие, и осажденные. Вой внезапно обернулся яростным визгом, совершенно нечеловеческим – и это было неудивительно, потому что визжали шины потрясающего автомобиля, состоящего из одной кабинки и большой платформы с железными стояками за ней. Дверца распахнулась и мы увидели совершенно перекошенную физиономию.

– Прыгайте! – вылетело из кривого, малоприятного рта.

Каким-то образом шофер удерживал машину одновременно и на месте, и в состоянии движения. Колеса прокручивались с дикой скоростью – а машина не двигалась, только дрожала крупной дрожью и, поворачиваясь вправо-влево, словно здоровая зверюга с окаменевшей шеей, обводила взглядом своих врагов, одновременно угрожая оскалом и слепя.

Нелегкая опомнилась первой и закинула Авося на платформу.

– Лезь! – велела она мне, подставляя широкую ладонь, на которую стать кроссовкой.

– А ты?

– Меня не выдержит!

– Выдержит! – донеслось из кабины.

Тогда я, уже оказавшись наверху, схватила Нелегкую за руку и принялась затаскивать на платформу, машина тем временем, словно сгорая от нетерпения, уже продвинулась вперед шага на два.

Я тащила эту тушу, упираясь ногами, да она и сама старалась мне помочь, и уже лежала животом на платформе, когда незримый шофер, свято веря в свою удачу, позволил машине рвануть во всю дурь!

– Авось прорвемся! – раздался из кабины боевой клич.

– Авось! – крикнула и я.

Очевидно, шофер не первый раз проделывал такие трюки – машина, от которой блинно-хреновое воинство попросту шарахнулось, вильнула таким правильным образом, что Нелегкая проехала на животе к самой середине платформы, едва при этом не скинув меня. Но тут же выровнялась бешеная машина и понеслась, и понеслась по ночному шоссе!

Мы вцепились каждая в свой стояк, а Нелегкая при этом еще и удерживала безжизненное тело государя-надежи-Авося.

С шоссе машина свернула на проселочную дорогу, а потом вообще залетела в какой-то мрачный тупик и встала. Даже фары вырубились.

Если место незавершенного сражения у разрушенного домишки хоть фонарем с улицы, а освещалось, то тут был настоящий, практически не знакомый городским жителям мрак. Как я сползала с платформы – видеть надо было. Если по ощущениям – то недели полторы ползла, не меньше. С другой стороны тем же занималась Нелегкая. Дверца отворилась, выскочил шофер.

– Ну, как? Я – да не вывезу?! Вывезла Кривая, голубчики вы мои!

Вот это и оказалась сестрица Нелегкой. А когда Нелегкая принялась ее распекать за долгую задержку, едва нас не погубившую, то и услышала, что не сразу удалось угнать подходящий транспорт.

– Не на горбу же вас вывозить!

Мы сняли с платформы Авося и положили его на дорогу, под свет моего чудом уцелевшего фонарика. Теперь, стоя перед ним на коленях и стягивая с него майку, пока Нелегкая придерживала за слечи, я увидела наконец и лицо Кривой.

Сестрицу мы тоже разбудили, но она даже не стала накидывать на сорочку халат. Сорочка была серая, видимо, из небеленого льна, и с вышивкой красной нитью. Что же до лица – то, успокоившись и приглядевшись, я решила, что бывает кривизна и похуже. Это было очень асимметричное лицо, рот вообще съехал набекрень и уголком своим нацелился в левый глаз, и только. Кожа у Кривой была свежа, зубы – как на рекламе «Стиморола», взъерошенные спросонья волосы – густы и, возможно, даже шелковисты.

– Эх ты, как же это его… – пробормотала Кривая, глядя на красную сыпь, которая полосами прошла по груди Авося.

– Это – мелочи, это его только задело, – приглядевшись, сказала я. – Это по нему океи скользнули. Надо посмотреть, что на животе и на ногах.

И ничтоже сумящеся протянула руку к молнии на его джинсах.

Но Нелегкая мою руку удержала.

– А ты ему кто? – спросила она тяжелым голосом. Кривая тоже на меня криво посмотрела. Им не понравилось, видите ли, что я хочу с государя-надежи стянуть штаны!

– А какое это имеет значение? – спросила и я.

Нелегкая встала и уставилась на меня сверху вниз.

– Ну, вот что, девка, – проворчала не хуже цепного пса. – Мы

с сестрицей тут теперь и сами управимся. Уразумела?!.

Я в глубине души пронесла их обеих на хренах через семь гробов в мировое пространство… Надо же! То не знали, как их воплотить, а теперь – ломай голову, как их, двух дур, развоплотить!

– Выйдешь на дорогу, там уже машины ходят, – добавила Кривая. – За двадцатку до города подбросят.

– А спасибо сказать? – возмутилась я.

Сестрицы переглянулись. Естественно, они не понимали, за что им меня благодарить. Я ведь тоже не сразу догадалась, что с их точки зрения я тут вроде и ни при чем. Они-то полагали, что Нелегкую вызвал собственноязычно Авось!

– Спасибо тебе, да и проваливай! – распорядилась Нелегкая. И так склонилась над государем-надежей, так расцвела улыбкой, прикасаясь сарделечными пальцами к его голой груди, что мне тошно сделалось.

Я бы еще поспорила с ними, если бы не сделалось мне стыдно за эту дурацкую, необъяснимую, мою собственную почему-то, совершенно идиотскую, с луны свалившуюся…

Ну да. Ревность – вот что это такое было.

Авось не разбудил, как говорили в прошлом веке, моего сердца. И когда он мне заглядывал в глаза – это были его проблемы, а не мои! Нас свела не любовь, а общий протест против тупости и пошлости. Но сейчас, когда меня заподозрили в посягательствах на Авосево тело, что-то вдруг изменилось.

Я встала с колен и отряхнула джинсы.

– Забирайте свое сокровище и катитесь с ним на хрен! – решительно приказала сестрицам. – И на меня больше не рассчитывайте. В другой раз прятать его от блинов не стану. Хай!

Хай бывает разного калибра, это уж как получится. очевидно, мне удалось шарахнуть главным калибром – даже Нелегкая еле на ногах устояла. Я же повернулась и пошла прочь.

Места эти были мне знакомы – тут в двух километрах от шоссе имелось единственное чистое озерцо на всю округу. В свое время оно полюбилось всяким важным шишкам и они облепили его со всех сторон дачами. Так оно и уцелело. Простой человек мог подобраться к озерцу только с одной стороны, узкой дорожкой между глухим забором и яблоневым садом, о которой знали немногие.

Сентябрь – как раз яблочное время. А поскольку нет ничего слаще ворованных яблок, я решила заесть ими тоску-печаль. Даже не выходя на шоссе, а представив себе карту города с окрестностями, я проложила верный маршрут и вышла к началу той дорожки.

Премилое дело – залезаешь в яблоню, как в шатер, по низким веткам в два шага добираешься до края кроны и выглядываешь из нее… Но это уже было однажды. И вспоминать тот ночной яблокопад я не хотела. То есть, голове вспоминать вроде запретила, а ноги сами вывели на озерный берег.

И вывели очень вовремя – навстречу мне из воды шел голый человек.

Я присела за кустом на корточки, потому что разбираться ночью на пустом берегу с голым мужиком атлетического сложения – задача выше моих сил.

Он выбрался и, подобрав полотенце, стал растирать плечи и грудь, бормоча невнятицу. Вдруг запнулся, наклонился, подхватил с земли тетрадку, поднес к самому носу – и, чтоб я сдох, что-то такое в ней разобрал!

– Ай вонт эни джоб! – произнес он. – Ай эм э киллер! Ай кэн уэнг! Ай вонт эни джоб, ай эм э киллер, ай кэн уэнг… Ай эм фром Раша, ай вонт эни джоб…

Голый мужик зубрил английский язык, но уж больно специфически. Я поняла, что нужно уходить на четвереньках, постепенно наращивая скорость. Надо же – киллер! А вдруг он, закалив свой организм купанием в холодном озерце, вздумает попрактиковаться, чтобы не утратить навыков?

– Ай спик инглиш э бит, – задолбил он следующий кусок из тетрадки. – Май нэйм ис Кон-дрэ-тай… Тьфу!.. Ай спик инглиш э бит…

Кондратий?!?

Я выскочила и в два прыжка оказалась рядом.

– Кондраша! Милый! Воплотился!

– А я и не развоплощался вовсе, – удивленно отвечал он. – А ты – кто?

– Да своя я, своя! – тут до меня дошло, что заклинания наши доморощенные ни при чем, а Кондратий действительно один из немногих уцелевших. И память наконец-то извлекла из щелки между извилинами нужную картину – Авось и Кондратий вдвоем на пустой горе…

– Погоди, оденусь, – он поднял свою невообразимую зеленовато-серую хламиду с пуговицами, пряжками, застежками, молниями, торчащими из прорех шарфами и галстуками.

– Кондраша, милый! – совсем ошалев, повторяла я. Страшно хотелось пожаловаться на несправедливость этой ночи, на Авося, так некстати потерявшего сознание, на двух воплощенных дур!

Он взял меня за плечи.

– Сколько живу – ни разу никто милым не назвал!

В голосе было подозрительное счастливое изумление…

– Ты даже не представляешь, как я рада, что ты есть!

– А не боишься, что вот возьму да и хвачу? – спросил он. – Меня же все боятся!

– А с какой стати тебе меня хватать?

– А с какой я вообще это делаю? Надо – и хватаю! Точно – не боишься?

– Кондраша, вас там мало уцелело, что уже не до страха.

– Ну, коли так – пойдешь за меня замуж?

Передо мной стоял здоровенный, сильный, норовистый, уверенный в себе мужик, который к тому же намылился за границу, и при теперешнем раскладе может там зарабатывать хорошие деньги.

А почему бы и нет?!?

Глава девятая И на старуху бывает проруха

– Кондратий, это не английский язык, это черт знает что, а не язык, – пыталась я внушить своему будущему эмигранту. – Ты по-английски не киллер, ты – апоплектик строук!

– Кто?! Апо – что?!

– Апоплексический удар – вот ты кто. А не киллер с пистолетом.

Разговор этот, естественно, зародился, когда мы перебили сон страстными объятиями, а теперь лежали рядом и глядели в светлеющее окошко. Причем я чувствовала себя как в Версале: кругом мебель в стиле рококо, картина с голой Венерой, парчовые шторы и прочие приметы королевского быта. Версаль объяснялся просто: Кондратий нанялся караулить богатую дачу. Конечно, ему выделили каморку, но нас ради такого случая занесло в хозяйскую спальню.

– И имя тебе нужно бы нормальное, в Америке твоего имени просто нет. Ну, скажем, Коннор…

– Ты же знаешь, что я могу быть только Кондратием. Иначе меня вообще не будет!

– Им этого не объяснишь!

Большой хозяйский англо-русский словарь мы подтащили поближе к постели, и я в него полезла. Самое близкое к «Кондратию» слово оказалось «кондор».

– Да ты в своем уме, жена? – возмутился он. – Назовусь кондором – а по мне перья пойдут?!

Жена! И точно – есть женщины, которые могут выйти замуж только за апоплексический удар, на худой конец – за шаровую молнию.

– Можешь назваться вообще Кэнди. Конфетка то есть…

Он расхохотался.

– Вот был бы Фома – он бы подсказал…

Уже не в первый раз я слышала это имя.

– Можно подумать, Фома знает английский.

– Ты не знаешь Фому…

– Но Фома вряд ли собрался бы в незнакомую страну, никого там не имея…

– А Макар? – спросил Кондратий.

– Ты уверен, что он там?

– Если у него голова на плечах имеется – значит, там. Здесь-то и хватает мест, куда он телят не гонял, да где телята?!? А там

– штат Северная Дакота, настоящие ковбои, там бы он прижился… Я его там сыщу, он мне устроиться поможет.

– Ну а если у них, у американкашек, свой какой-нибудь кондрашка имеется?

– Я с ним живо управлюсь.

Я посмотрела на него – то есть огладила взглядом с головы до ног и обратно. И поняла, что американскому кондрашке против нашего не устоять. Силища из него так и перла.

Ощутив голод, мы вылезли из постели и попробовали одеться.

– Неужели у тебя ничего поприличнее нет? – спросила я, удивляясь, как он не запутается в своей хламиде.

– Это – рабочая одежда. Я же когда хватать иду – к каждому в ином образе являюсь, – объяснил Кондратий. – К иному только при галстуке и приступишься. Тут у меня – все, что нужно! А теперь объясни толком – что у тебя такого стряслось, если ты ночью к озеру топиться побежала.

– Я?! Топиться?!

А ведь он по-своему был прав. Выскакивает из прибрежных кустов заполошная баба, чуть не плачет, потом в любви объясняться начинает – это без вариантов!

Взяв себя в руки, я коротко ему рассказала, как связалась с Авосем, как мы додумались до заклинания воплощения, и что из этого вышло.

– Кривая да Нелегкая? Нашли же, с кого начинать! – и крепко задумался Кондратий, не забывая закидывать в рот здоровые куски яичницы.

– А только с Нелегкой и получилось. Другим мы даже и вопросов придумать не смогли. Как ты полагаешь – глобальное заклинание воплощения существует?

Он молчал.

– Ну?

– Существует, – буркнул он. – И кто-то его уже произнес. Вот блины с хренами и воплотились. А если его повторить – они еще крепче станут.

Я взялась за голову.

– Выходит, это – штучная работа?

– Выходит, так.

Говорят, есть на флоте такой прикол: новичка заставляют шуровать спицей в длинных макаронах на предмет изгнания жучков и червячков. Вариант – продувать. Вместо того, чтобы вывалить десять пачек в кипяток, человек сидит и одну макаронину за другой, одну за другой!.. Я ощутила себя этим самым новичком.

Кондратий посмотрел на часы и сказал, что пойдет осматривать территорию. Хоть она и на сигнализации, а деньги платят за личный контроль. Я увязалась следом, потому что в таком поместье еще не бывала.

Хозяин дачи имел на переднем дворе цветник в лучших традициях, а сбоку, возле площадки для шашлыка, росли всякие пряные травки, и я опознала невероятной величины укроп. Он был уже ни на что не похож. Однако… однако…

Я подошла к мангалу. В железном ящике было пусто. Но сбоку, за огородившей площадку каменной стенкой, под малозаметным навесиком, лежали сухие березовые дрова. Я положила несколько полешек в ящик, достала зажигалку и развела огонь. Потом побежала на кухню за кастрюлей.

Кастрюли там были такие, что дороже всей моей кухни вместе взятой. Я взяла большую, набрала воды и потащила к мангалу…

Когда Кондратий наконец-то догадался поискать свою суженую, суженая стояла в дыму, простирая руки над мангалом и большой кастрюлей на нем. Крышка кастрюли торчала набекрень – содержимое просилось наружу. А суженая повторяла негромко, но очень грозно:

– Пришел Прокоп – кипел укроп, ушел Прокоп – кипел укроп! Как при Прокопе кипел укроп, так и без Прокопа кипит укроп!

– Да на кой он тебе? – удивился Кондратий. – Что с него проку?

– В повара определим, – буркнула я. – Не все же сухомятиной перебиваться, гамбургерами и чизбургерами! Пришел Прокоп – кипел укроп…

Тут заросли зашуршали и над каменной стенкой появилась взъерошенная голова.

– Ишь ты! – сказал незнакомый мужичок в драном тулупе, выходя к мангалу. – Кипит!

Он склонился над кастрюлей и с явным наслаждением принюхался.

– И впрямь кипит! Так я пойду, что ли?

При этом он поглядел сперва на меня, потом – на Кондратия. Мы были так ошарашены, что не сразу догадались ответить. И он неторопливо вернулся в заросли, из которых прибыл. По колыханию верхушек видно было, что мужичок направился к забору.

– Он! Он! – до меня дошло, кто это, и от радости я мелко запрыгала. Ведь получилось, получилось!

Кондратий моего восторга не разделял.

– Ну и будет он теперь шататься меж двор, аки шпынь

ненадобный. Кому он, в самом деле, нужен?

– Кондраша! Ведь если получилось – я и других сумею воплотить! И не нужен мне никакой Авось!

Боюсь, что это я сказала с излишним энтузиазмом…

– Не нужен нам никакой Авось… – повторила я уже потише.

– Да, – согласился он. – Но если ты такая ведьма, что же ты раньше молчала и терпела? Если ты умеешь воплощать?..

– А знаешь, Кондраша… – мне и самой стало интересно, я задумалась всерьез, и, как всякая женщина, прежде всего попыталась уйти от ответственности: – Знаешь – не для кого было! Вот вошли в страну эти блинные дивизии – думаешь, хоть кто-то возмутился?

– А теперь?

– Теперь? – я хотела сказать, что наконец-то лопнуло терпение. Что начальство, как пошло упрощать стоящие передо мной задачи, так и дошло до опасного предела. Что я, конечно, могу на улице обходиться словарным запасом в десять боевых единиц, но это меня уже не развлекает…

Все это было бы правдой. Вернее, было-таки правдой. Но…

Но правды я сейчас даже себе самой говорить не хотела.

– Не забивай ты себе всем этим голову, – посоветовал Кондратий. – Все равно же уедем. Не надо ничего воплощать. Может быть, ты окажешь плохую услугу людям, если избавишь их от блинов и хренов. Они к этим дармоедам все-таки привыкли и чувствуют себя с ними…

Он задумался, припоминая заграничное слово.

– Комфортно, – подсказала я.

– Если ты лишишь народ блинов с хренами, то ты же и должна будешь дать что-то взамен.

Рассуждал он логично, ничего не скажешь. Авось бы до такого не додумался. Я попыталась объяснить, что новым непременно должно стать хорошо забытое старое, и даже пустила в ход недозволенный прием: пригрозила Кондратию, что и его забудут, как забыли Нелегкую с Кривой, если он не примет участия в моем проекте…

Тут у забора послышалась возня, опять по зарослям пошла волна, и к шашлычной площадке вышел Прокоп.

Он подошел к кастрюле и пальцами сквозь рукав тулупа приподнял крышку.

– Надо же, кипит! Ну, пусть себе еще покипит, без меня…

И побрел обратно.

– Да что там у тебя, дырка в заборе? – удивилась я. – И он так теперь всю жизнь шастать будет?

– Дура, сними кастрюлю с огня! – очень сердито приказал

Кондратий. – Вот он и перестанет шастать!

– Она горячая!

Тогда мой угрюмый жених проделал это сам и вылил укропный отвар в кусты.

Мне казалось, что он поступил правильно. Однако часа через два ошибка вылезла, как шило из мешка.

Чем нам мешал тихий, непритязательный Прокоп?! Курсировал бы себе от забора к мангалу и обратно, наслаждался бульканьем и ароматом! Так нет же – мы лишили его этого скромного удовольствия. Возможно, он растерялся и решил, что заблудился. Возможно, сперва он искал кипящую кастрюлю по соседству, потом побрел наугад и оказался на шоссе.

Как его сцапал блинный патруль, какие вопросы ему задавал – это теперь уже и неважно. Важно другое – они связались с начальством, блинное начальство – с хреновым, прибыл специалист, опознал в Прокопе воплощенного, а так как ночные события хренам очень не понравились, то началось прочесывание окрестных поселков и отдельно стоящих особняков.

Кондратий как раз показывал мне действие телекамер на пульте слежения. И мы увидели у калитки два джипа, белый и зеленый, из которых выбирались оккупанты. Двое, придерживая за локотки Прокопа, стояли как раз рожами в камеру…

Глава десятая Кто бьет, тому не больно

– Доигрались, – сказал Кондратий.

Я пришла в восторг. Любой из моих знакомцев-мужчин сказал бы «Доигралась!» и потом минут десять рассуждал о женском интеллекте. Он же поделил ответственность поровну.

Должно быть, именно в этот миг я и поверила в отчаянный замысел Авося окончательно. Мужчин, которые не боятся ответственности, нужно искать в любом слое и пласте культуры и воплощать, воплощать, воплощать! Уж больно их мало осталось…

– Я пойду потолкую с ними, – буркнул Кондратий, – а ты тут сиди тихо, как мышь.

Он вышел и через цветник направился к калитке.

Надо сказать, что двор был обнесен довольно высоким забором. В заборе были автоматические ворота для машин и еще калитка – для тех редких случаев, когда приходили пешие гости. Имелись еще два выхода сзади – оба на озерный берег, но один – спуск с террасы для солнечных ванн на огороженный кусок пляжа, а другой – полусекретный, через который можно было попасть на тропинку возле яблоневого сада. Кондратий им обычно и пользовался, когда ходил ночью поплавать.

И расстояние, и забор мешали увидеть невооруженным взглядом, что делается на улице. Когда Кондратий скрылся из виду, я приникла к экрану.

Это немое кино выглядело так: Кондратий мрачно отвернулся от Прокопа, показывая, что этого чудака знать не знает. Потом к Кондратию подошел какой-то высокопоставленный хрен. А потом вдруг началось то, что блины с хренами называют «мочилово». Ни с того, ни с сего!

Кондратий – мужик здоровенный и с определенными способностями. Тот, кого он хватит, в лучшем случае довольно долно проваляется без употребления рук и ног. Поэтому мне показалось странным, что блины с хренами, отведав Кондратьева кулака, не падают бездыханные, а вскакивают и опять лезут в драку.

Зная, что меня с улицы не видно, я выскочила во двор и побежала к забору. Но не просто так – хозяин особняка снабдил моего жениха пистолетом, которому Кондратий большого значения не придавал и хранил при пульте управления сигнализацией, там я это табельное оружие и прихватила. По дороге убедилось, что обойма с патронами присутствует.

Дверца, через которую Кондратий меня привел с озерного берега, была совершенно неразличима снаружи, но хорошо видна изнутри, тем более, что запиралась на почтенный засов. Я выбралась и подкралась к углу. Теперь можно было спокойно перестрелять всю эту команду – если бы они хоть полминутки постояли спокойно.

До сих пор никто по оккупантам не палил из огнестрельного оружия. Я выцелила единственную подходящую фигуру – высокопоставленного хрена, который в драке не участвовал, а стоял за джипом – как ему казалось, в безопасном месте.

Совершив насилие над собственным гуманизмом (какой, блин, гуманизм по отношению к корнеплоду и какого хрена гуманничать по отношению к кулинарии?..), я выстрелила. Наверно, это было подло – стрелять оккупанту в спину. Но бить следовало наверняка, а в спину я не промахнулась бы.

Хрен даже не покачнулся, только повернулся на шум, и следующую пулю он получил в грудь. Чтоб я сдох – он ее даже не почувствовал! Выходит, и по блинам палить бесполезно?!.

Чтобы поудобнее осмыслить это открытие, я кинулась назад и захлопнула за собой дверцу. С той стороны она практически не видна – так утверждал Кондратий. Значит, хрен может хоть до завтра ломать свою хреновую голову, что это за два выстрела. А мне нужно выручать Кондратия! Ведь и он потому же не может расправиться с противниками, почему я не смогла пристрелить их командира!

Но если их нельзя хватить, если их нельзя пристрелить, так что же – они бессмертны?

Нет, сказала я себе, нет и еще раз нет! Главное – убраться отсюда подальше вместе с Кондратием, а потом сесть основательно и придумать настоящее средство! И ведь джипы-то не бессмертны…

Честное слово, я уже думала, как поджечь джип! И тут в забор принялись колотить. Надо полагать, хрен кликнул помощников, чтобы они разобрались, что это за два выстрела ниоткуда.

Я побежала к пульту и увидела, что Кондратия повалили и сидят на нем верхом три здоровенных жирных блина. Мне это совершенно не понравилось. И тут наконец-то пришла нужная мысль!

На хозяйской кухне оборудования хватило бы на два приличных ресторана. Кроме всего прочего, были там и большие сковородки. Схватив парочку, я вернулась к пульту и нажала кнопку, управляющую воротами в том случае, когда их не открывал со своего пульта подъезжающий на «мэрсе» хозяин особняка. Огромное, из железных полос состыкованное

полотнище поехало вверх.

Блины, оседлавшие Кондратия, разинули рты. Что-то нужно было делать! Ведь их привели сюда, чтобы брать штурмом особняк, в котором кто-то воплотил придурка Прокопа! Но, с другой стороны, они собственными задами держат пленного и встать никак не могут!

Пока они недоумевали, а их коллеги в переулке – лупили по забору, я вышла с пистолетом за ремнем джинсов и с обеими сковородками.

– Это я, ваша мамочка! Щас вам братиков и сестричек напеку! Щас будут еще румяненькие, с пылу, с жару, пшеничные, гречишные, карто-офель-ны-е!!!

Вопя, как допотопный зазывала, я подбежала к ошарашенным блинам и первого как следует огрела сковородкой по лбу.

Он не сразу повалился, но меня подпустили на расстояние, нужное для нового заклинания, и я этим воспользовалась.

– Берега – железные, вода – не вода, рыба – без костей! – и я треснула его второй сковородкой. Это, собственно, была загадка, но загадка с работающей формулой, и блин обмяк, повалился на бок и оказался на асфальте. Тут же Кондратий, почувствовав облегчение, вскочил.

– В белый! – крикнула я ему, замахиваясь вдругорядь и делая выпад, потому что мой второй противник стоял справа на четвереньках. – Берега – железные, вода – не вода, рыба – без костей!

Бум-м по башке!

– Блин-н-н! – ответил он и рухнул.

– Отгадал!

Кондратий уже сидел в джипе. Я кинула сковородки и чуть ли не на ходу прыгнула туда.

– Колеса! – приказал Кондратий. Я выстрелами пробила передние шины зеленого джипа, и теперь мы могли преспокойно удрать.

– А я?! А меня?! – завопил Прокоп.

– А ты иди укроп вари! – огрызнулся Кондратий и дал газу.

Белый джип вылетел на шоссе и понесся с умопомрачительной скоростью.

– Какого лешего воплощать дураков? – спросил Кондратий. – Ведь он так и не понял, что нас заложил! И половина тех, кого хочет вернуть Авось, поступит точно так же! Мозгов-то у них не густо! Ерошка – так тот и последние пропил!

– Который Ерошка?

– Наш Ерошка не пьет понемножку. Если Авося послушать – так его первым делом воплощать нужно!

Кондратий был зол безмерно, и я не сразу допыталась, почему произошла драка у калитки. Все оказалось просто – высокопоставленный хрен учуял, что Кондратий Прокопу – родня… А поскольку блиново-хреновая диктатура хочет извести под корень все прежнее, да и вообще все более сложное, чем их ненавязчивая простота, то и решил хрен сдуру, будто с Кондратием так легко сладить…

Я рассказала, что оккупантов пули не берут, и Кондратий призадумался.

– Хватить их мне не удалось, не так они устроены, пристрелить их нельзя. Но ведь что-то же должно их извести?!

– Время, Кондраша, – пессимистически отвечала я. – Отживут свое, как бедняга Прокоп, и сами сковырнутся.

– Время?..

Тут у нас у обоих зародилась мысль, как потом выяснилось, – почти одна и та же, но мы оба промолчали, потому что оба хотели додумать ее до конца.

– Как это ты их? Берега – какие? – вписываясь в поворот, спросил Кондратий.

– Железные, ну, сковородка! Вода – не вода, потому что растительное масло. Рыба – без костей. Вот только еще блинов с костями недоставало… Погоди! Ты же с ними дрался! Ну и как?..

– Я их не щупал! Но… Но?..

Я поняла, что он имел в виду. Именно финал загадки, на манер «замка» у заговора, тут работал. Стало быть – делал на некоторое время блинов бескостными. А вдруг – навсегда?

И тут же мне стало безумно любопытно: есть ли пословица или загадка с работающими словами про время?.. Или – срок?.. Или даже – отчетный период?..

Чтобы узнать это, нужно было попасть домой, если только блины не устроили обыска и не добрались до словаря Даля.

– Кондраша, а куда мы, собственно, едем? – осторожно спросила я, потому что мы не столько приближались к городу, сколько удалядись от него. – Кондраша, ведь гора уже близко, а вокруг нее – блинные патрули. Как раз напоремся!

– Да? – он резко остановил машину.

До города было чесать и чесать, но я охотнее прошла бы это расстояние пешком, чем проехала на хреновом джипе. Ведь тот высокопоставленный хрен уже наверняка поднял тревогу. И не удивлюсь, если искать нас будут с вертолетами.

Кондратию дважды объяснять не пришлось. Он проехал еще немного и нашел для белого джипа самое подходящее употребление…

– Вылезай!

– Ты куда?

– Вылезай и жди меня вон там, – он показал на стога сена вдали, на дальнем краю примыкавшего к шоссейке луга.

– Ты что придумал?

– Потом скажу. Ну?!

С него бы сталось и хватить… Поэтому я, вовремя вспомнив, что в правильной семье – жена да убоится мужа своего, выскочила и побрела довольно топким лугом к тем стогам.

Места у нас такие, что сырость все, что угодно, загубит, потому стога мечут не наобум Лазаря, а используют стожары. Зная, по какому принципу воздвигается стог, залезаешь в него без проблем, потому что внутри пространства – как в одноместной палатке. Удобно и для просушки сена, и для вынужденного ночлега.

Я развлекалась декламацией сперва Пушкина, потом почему-то Багрицкого, потом запела таблицу умножения, и уже собралась идти искать жениха, когда он наконец изволил явиться. Балахонохламида была в свежей грязи.

– Теперь могу ответить на твой вопрос, – проворчал он. – Костей у блинов действительно нет. Расползаются, как сырое тесто. Если куски раскидать – не срастаются. Ну и на том спасибо…

– ???..

Он всего-навсего разогнал джип перед самым блинным постом. Блины выскочили на шоссе, а Кондратий выскочил из джипа. Потом он подошел и внимательно осмотрел место происшествия.

– Да ты же шею бы себе свернул! – вовремя возмутилась я.

– У меня оберег надежный.

В хозяйстве Кондратия было много всякого добра, даже древние зажимы для галстука, и я совершенно не обратила внимания на эту штуку. Когда же Кондратий показал оберег, ахнула. Точно такой же сорвал с шеи и выбросил в придорожные кусты Авось.

Глава одиннадцатая То было время, а ныне – пора

То, что Авось, будучи в растрепанных чувствах, мог сам себе пакость устроить, я как-то сразу знала. Но избавиться от вещицы, которая, надо думать, все это время одна лишь его и выручала?

– А он что – от смерти спасает? – спросила я Кондратия, трогая пальцем оберег.

– Насчет смерти не уверен, а жизнь продлевает. Ты же знаешь – у меня конкурент есть… из этих, из матерных…

– Ага, из шести букв.

– Думаешь, почему он меня никак не вытеснит? Вот кто помогает! – Кондратий похлопал по оберегу.

– Кондраша, а как он действует?

– Как действует?..

И опять мы подумали, как выяснилось, об одном и том же.

Когда двое залезают в стог, пусть даже погода и не располагает к шалостям, эти шалости начинаются сами собой. Нам было начхать на оккупантов. Пока не совершили всего задуманного – не угомонились.

Потом мы стали думать – куда же теперь податься?

Будь со мной Авось – было бы куда проще! Я бы приняла решение и потащила это горе за собой, мало вслушиваясь в его лепет. А если бы Авось, взревев, выдернул руку и смылся – недолго бы тосковала, потому что сам бы и приполз обратно. С Кондратием это было невозможно. Он решил, что мы вернемся в город и заляжем у меня дома, – значит, так и будет.

С одной стороны, я тоже хотела домой. Это только в сказках очень приятно неделями болтаться в прериях и пампасах. С другой стороны, Кондратий мог защитить и себя, и меня. Пистолет, правда, нам бы мало помог, но если блины поддаются размазыванию по стенке – то грех этим не воспользоваться.

Весь день мы потратили на дорогу, которую даже велосипед одолел бы часа за полтора. Надо отдать нам должное – Кондратий сделал все, чтобы я этого дня не забыла, и я тоже. Мы перемещались короткими перебежками: от стогов через лес – к сенному сараю, от сарая через поле – к заброшенному хлеву на полтысячи крупных рогатых голов, оттуда краем луга и опушкой – к следующим стогам. И всюду, где мы находили крышу над головой, Кондратий внушал мне уверенность в своих силах и глубоких чувствах.

Когда мы в третьем часу ночи прибыли в город, я спала на

ходу. Слишком много счастья – это, оказывается, тоже нехорошо, думала я, некстати, не к месту… не вовремя…

Хорошо, что я по дороге рассказала ему, где прячу запрещенную литературу. Когда я проснулась, он уже выписал все, на его взгляд, необходимое и смотрел в листок с умным видом. Он был похож на маменькиного сынка, которому предстоит впервые в жизни самостоятельно сварить борщ по древнему, сложному и многокомпонентному рецепту.

Тут-то и выяснилось, что мы оба думали о конечности срока, который отведен блинам с хренами. И планировали уплотнить их время таким образом, чтобы поскорее их сбыть с рук навеки.

Я забрала у Кондратия бумажку и сразу отметила те формулы, которые непременно должны работать. Но когда я стала пробовать разные сочетания, то почувствовала себя плоховато. Может быть, я просто перетянула к себе ближайший поток времени и ускорила его, а ускорение обменных процессов в организме – штука непредсказуемая. Во всяком случае, перестановка тех кирпичиков, которые нашел Кондратий, вроде «Придет время – будет и пора» или «Час придет и пору приведет» не дала того ощущения, которое возникает, когда формула работает.

А потом позвонило мое начальство.

– Приколись! – потребовало оно и продиктовало очередное задание. Задание оказалось из тех, что способствуют поднятию боевого духа. А именно – визит в первый и пока единственный в нашем городе пентхаус. Хозяин которого, естественно, был лицом, приближенным к блинам, и в тесной дружбе с хренами. То есть, иной лексики у него просто не было и быть не могло.

С пентхаусом я проковырялась довольно долго. И честно собиралась поскорее ворочаться домой, сдав разудалый репортаж о пользе такого рода сооружений. Но начальство придумало мне еще геморрой – какую-то охранную фирму, которая оплатила кучу рекламного места. Я была так счастлива после знакомства с хозяином пентхауса, что все вопросы охранной структуре задавала с учетом особенностей своего последнего поля действий.

Когда я на следующий день села отписываться, то, к радости своей, обнаружила, что пишу инструкцию для грабителей, которым непременно нужно взять штурмом пентхаус. Я детально расписала, где там расположены телекамеры и тепловые датчики, не забыла упомянуть марку замка «Assa» и прочие подробности, которые еще проверил и кое-где уточнил Кондратий. Вся эта ерунда заняла у меня три дня.

На четвертый день – который, кстати, и днем уже не был, а

перетек в глухую ночь, – я немного отдохнула после репортерских дел и с новыми силами взялась мастерить заклинание. Кондратий, выходивший исключительно в темное время суток, был командирован с мусорным ведром и пропал.

Когда человек, не уберегший загородный особняк, оставивший там все ворота нараспашку и смывшийся непонятно куда, исчезает, это наводит на размышления. Что же касается конкретно Кондратия, к которому оккупационные власти имели особое и ярко выраженное отношение, размышления были однозначно жуткие.

Прихватив пистолет, я пошла разбираться.

На мусорке моего жениха, понятно, не было. Поскольку двор – сквозной и прекрасно простреливается, я пошла по периметру, стараясь слиться со стеной. А всякий периметр хорош тем, что выводит из любого лабиринта. Сделав нужное количество поворотов, я оказалась чуть ли не на улице. Но не на той, с которой обычно захожу, а на другой, поперечной.

Там околачивалась возле телефонной будки классическая долговязая, коротко стриженая и безумно выкрашенная типа. Одно это должно было навести на мысль о хренах по соседству. И навело, но я, сунув пистолет за ремень джинсов и запахнув куртку, вышла из подворотни и перешла на другую сторону улицы. Врага, конечно, нужно знать в лицо, но лучше поглядеть на это лицо издали…

Типа кого-то высматривала. Это был пока что лишь крупный и плечистый силуэт на форе слабо освещенных окон ночного ларька. В руках ее объект имел… ну да, ведро, мусорное…

Совершенно перестав понимать, что тут происходит, я по другой стороне улицы поспешила к ларьку и остановилась как раз напротив него. Типа тоже пошагала в том же направлении. У таких девиц на редкость тупая походка – они словно пытаются врыться носком туфли в асфальт, да поглубже. Происходит это от полной неспособности распрямлять ноги до конца.

Допустив на минутку, что типа выполняет какое-то хреновое задание, я поспешила перейти улицу и оказалась у киоска чуть позже этого сокровища. Она уже успела что-то сказать Кондратию, и я услышала хмурый ответ:

– Ща как хвачу!

– Типа трахнешь? – безмятежно осведомилась она.

– Типа трахну! – сказала я, подходя. – Без базара, типа! Ща!

И загородила собой Кондратия.

– Типа ну… – услышала я в ответ.

– Типа чеши отсюда!

Поняв, что тут не обломится, она побрела прочь.

– А ты тут типа чего торчишь? – повернулась я к жениху.

– Нас обложили, – сказал он. – Двор полон какой-то сволочи.

Этого еще недоставало!

– Как ты догадался?

– Когда на мусорку шел – кто-то за бак шарахнулся и дал деру. Я решил не сразу в наш подъезд, а запутать след – так он за мной шел. Я сюда вылетел, он во дворе остался. Я не хотел его на нашу квартиру наводить.

– Ну, это, конечно, правильно…

Сегодня я была умная. Я знала, какая техника позволяет в наше время следить ночью и за квартирой, и за отдельно взятым жильцом. Для этого нет больше нужды прятаться за мусорными баками. И все же…

Мы обошли квартал с разных сторон, причем ведро несла я, а пистолет был у Кондратия. Мы встретились в моем закутке двора. Мы забрались в соседний подъезд, вывернули лампочку на лестничной клетке и сверху изучили двор. Вроде бы никого не обнаружили. Тггда мы решили – будь что будет, вернемся домой!

И решили очень вовремя – еще снизу услышали подозрительный скрежет.

– Это в моем замке ковыряются… – шепнула я.

– Ща!

Оставалась надежда, что мы имеем дело с обыкновенными ворами, польстившимися на цветной телевизор. С одной стороны, спасибо скажу тому, кто меня от него избавит. С другой – но не таким же способом! И, если это просто воры, Кондратий их так хватит – мало не покажется!

Жених вознесся ввысь, как архангел, только полы хламиды взметнулись. Ему по долгу службы положено при захвате, или прихвате, или как там по-научному акт хватания называется, перемещаться очень быстро. Я же взбежала попросту, ногами, и увидела, что Кондратий держит за шиворот и за ремень штанов одного-единственного человека, явно собираясь запустить его в полет над лестницей. Человек был прихвачен в момент, когда стоял раком у замочной скважины.

– Стой! – заорала я. – Это же Авось!

Глава двенадцатая Явились – не запылились!

– Опять на авось пытался в дом попасть?

Он молчал, повесив голову.

– Открой дверь, Кондраша, – попросила я. – Ну, государь-надежа, заходи! Располагайся!

Он понуро вошел, Кондратий – следом.

– Тебе лечиться надо, а тебя вон принесла нелегкая…

– Тс-с! Накличешь!

Мы с Кондратием переглянулись.

– Ну-ка, майку задери! – потребовала я.

Полосы от океев были уже не малиновые, а розовенькие. Должно бить, почти не чесались. Хотелось бы мне знать, каким зельем его пользовали Нелегкая с Кривой.

– А их – где оставил? – спросил Кондратий, которому я в подробностях рассказывала о шумном воплощении.

– На улице, – Авось огляделся по сторонам и завершил шепотом: – Еле от них ушел…

– Что так?

И он не выговорил, он выплюнул тошнотворное для него, но единственно возможное в этой ситуации слово:

– Достали!

Я вспомнила, с каким трепетом произнесла Нелегкая «надежа-государь», и все поняла. Одновременно в душу мне вкралось дикое подозрение: не может же быть, чтобы Кривая с Нелегкой в своей любви к государю-надеже докатились до сексуальных поползновений?! Или – может? Я вгляделась в Авосево лицо – осунулся… Ну и кем же надо быть, чтобы грехопасть с Нелегкой?!!?

– А где твой оберег? – спросил Кондратий. – Что-то ты с личика спал, краше в гроб кладут.

– Потерял, – честно глядя ему в глаза своими голубыми, неотразимыми, заявил Авось. – Я с патрулем сцепился, еле вывернулся, наверно, тогда и потерял.

– Та-ак! – я безумно обрадовалась, что могу устроить сцену без намека на ревность. – Потерял?! А кто его своими руками в крапиву выбросил?

– В какую крапиву? – удивился Кондратий.

– Ну, в лопухи! Он думает, нам тут всякая чепуха сойдет! Опять на авось выкрутиться хочет! Прямо при мне завопил и выбросил!

– А вопил зачем?

– А я эту штуку хреновиной назвала! Нет, ты мне в глаза посмотри!

Авось имел самый что ни на есть прискорбный вид.

Наверно, он стал бы оправдываться, взывать, каяться и произносить речи против блинов с хренами, но тут за окном раздались крики.

– Кого-то гоняют, – заметил Кондратий. – Вроде бабы вопили…

– Это они! – воскликнул Авось. – Это – их! Это они меня ищут!

Я, конечно, испытывала чувство благодарности к Нелегкой и Кривой, но не такое уж грандиозное, чтобы безмозгло кинуться им на выручку. Опять же, они могли за себя постоять – если только Кривой удастся прорваться к какой-нибудь автостоянке и угнать транспорт, который не проломится под Нелегкой…

– Плохо дело, – сказал на это Кондратий. – Я когда с блинами схватился – помнишь, там такой надутый хрен был?

– Как не помнить!

– Так он говорил, что переполоху вы тогда, когда Нелегкую с Кривой воплотили, наделали жуткого, и хрены запросили подкрепления. Того гляди – сам заявится с инспекцией.

– Синоним?!?

Он кивнул. И стало ясно, что Нелегкую с Кривой нужно выручать, выводить из-под огня и где-то прятать.

– Кондраша, а как? – зная, что он понял ход моих мыслей, спросила я. – Нас-то всего двое!

На Авося даже не посмотрела. Тоже мне боец!

– Придется еще кого-то воплощать, покрепче и посильнее. Федору?..

– Ага – воплотим, а она тоже в надежу-государя когтями вцепится!

– Не вцепится, у нее не то на уме, – пообещал Кондратий. – Ну, как вы там вопросы задавали?

И мы, совершенно не обращая внимания на Авося, приступили к ритуалу.

– На велик день я родилась, железным тыном оградилась… – завела я речь издалека, рисуя картину, в которую следует временно переселиться. – В великой реке искупалась, железным полотенцем утиралась! Велика река – да песчаны берега!

И посмотрела на Кондратия – продолжай мол, сочиняй, и не забудь в каждое слово вложить душу!

– Велика корпорация! – торжественно начал Кондратий, чуть призадумался и завершил так: – Да сплошная проституция!

Ну а какой еще поэзии ждать от апоплексического удара?

Но он был прав – и окружающая нас действительность вполне для заклинания годится.

– Велик «кадиллак» – да в ворота никак! Велик «мерседес», да в гараж не пролез! Велика Федора… – я сделала паузу и заорала во всю глотку: —… да дура!!!

Раздался треск и дверца кладовки, где я хранила запрещенную литературу, слетела с петель. Перед нами предстала Федора в длинной рубахе, один рукав которой был оборван. Такие бицепсы мне до сих пор попадались только на обложках журналов по культуризму. Ростом же наше новое приобретение было с Кондратия. Он и принял в охапку споткнувшуюся о порог Федору.

– С прибытием, голубушка!

Великая дура посмотрела налево, направо – и узнала Авося. Но, в отличие от Нелегкой и Кривой, в восторг не пришла.

– Вот теперь и потолкуем, надежа-государь, – сказала она нехорошим голосом. – Хорошо, что встретились! Значит, коли велика – так уж и дура? А кто ж тебе, государь-надежа, виноват, что бабу уговорить не умеешь? А?.. Ты, чем пословицы выдумывать, на себя бы поглядел, умник!

Государь-надежа уставился в пол. А я – на Федору. И с восторгом!

– Кондраша! – не в силах справиться с разъехавшейся по лицу улыбкой, сказала я. – Федорушке, голубушке, ласточке, заиньке, приодеться бы! Мои вещи ей малы, придумай что-нибудь!

– Успеется, – сказал Кондратий. – Нам еще парочку орлов вызволить надо.

– Федорушка, солнышко! Ты в спальню ко мне ступай, там на шкафу чемоданы! Поищи индийскую юбку, она из марлевки, длинная, широкая, может, натянешь? – ласково предложила я. Не может же быть, чтобы юбка шириной в два с половиной метра и длиной – мне до пят, оказалась ей мала…

– Кто ко мне с добром, к тому и я с добром, – ответила Федора и удалилась в спальню.

С орлами тоже чуть ерунды не вышло. Заклинание следовало начать с воды – и я, окончательно рехнувшись, начала-таки с древнего студенческого рифмованного анекдота:

– Всяко тело, вперто в воду, выпирает на свободу!.. Ой!..

– С силой выпертой воды телом, впернутым туды! – бодро завершил Кондратий, и правильно сделал: когда вводишь себя в легкий транс, необходимый для успеха заклинания, можно и даже нужно нести любую ахинею, лишь бы не сбиваться.

– А булыжник, впертый в воду, не попрется на свободу, –

принялась я исправлять положение. – Булыжник – в воду, кирпич – ко дну, один под корягу, другой – в глубину. Ерема в воду, Фома ко дну, оба упрямы – со дна не бывали! Оба упрямы – сюда приплывали!

Водопроводный кран в ванной принялся чихать и плеваться. И еще хорошо, что кран, а не сантехника в туалете…

Кондратий кинулся на выручку Фоме и Ереме. Из ванной они вышли втроем: Кондратий – сухой, а эти два орла, понятное дело, мокрые. Были они невысокие, крепенькие, и по рожам видно – с норовом. Их телосложение меня вполне устраивало – уж две-то пары штанов с тех времен, когда я нажила несколько лишних килограммов, у меня сохранилось. А свитер всякий натянуть можно, на то он и трикотажный.

– Челом, надежа-государь, – Ерема с Фомой поклонились разом. – Ну, как? Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Гляди ты, подумала я, и эти не питают к Авосю избыточного уважения!

– Поди-ка ты Федоре помоги, – велел Кондратий. Я поняла, что здесь сейчас состоится мужской разговор, и радостно умелась. До сих пор мужские разговоры в этом помещении начинала и завершала я лично.

Федора отыскала индийскую юбку и стояла в ней перед зеркалом, нагибаясь, чтобы лучше себя разглядеть. Юбка была ей как раз по колено. Она улыбнулась мне, и я поняла, что с такой улыбкой вполне можно давать от ворот поворот хоть надеже-государю, хоть президенту швейцарского банка.

На тахте лежал старый, погрызенный молью плед, от которого давно пора было избавляться. Я достала ножницы и сделала из него модное этой осенью пончо. Федора нагнулась еще ниже, я помогла ей протолкнуть голову в дырку, она выпрямилась – и я поняла, что ни один хрен не устоит перед самоходной египетской пирамидой.

Кондратий заглянул без стука.

– Готовы? Пошли!

Через четверть часа мы вышли в таком порядке: первой шла я, чтобы при необходимости увести всю команду проходными дворами, за мной – Фома и Ерема (шли, пофыркивая и беспричинно посмеиваясь, словно настраиваясь на славную заварушку), затем – гордая Федора, далее плелся совсем угасший Авось, и замыкал шествие Кондратий с пистолетом.

Глава тринадцатая Полно браниться, не пора ли подраться?

Если описывать в подробностях, как мы искали Нелегкую с Кривой, как сцепились с патрулем, как пропала Федора и как мы добывали ее из витрины свадебного салона, как я догадалась наконец повторить заклинание, вызвавшее из многолетнего сна Нелегкую… Ну, бурная ночка выдалась, что и говорить!

И так ясно, что мы в конце концов стянули на себя весь воинский контингент оккупантов…

Доблестный наш путь (путь отступления, который наши мужчины назвали выходом из окружения, но мы-то понимали, что к чему) привел нас на окраину, к заброшенным заводским корпусам. И тут возникло два одинаково скверных варианта. Первый – спрятаться в корпусах, где не то что восемь персон – восемь дивизий не сразу найдешь. Второй – вообще уходить из города. Ну его, в самом деле!

Если этот город и это государство отупели до такой степени, что блины с хренами – все, что им требуется для комфорта, то не пора ли оставить их в покое? Такое предложение выдвинул Кондратий, не расставававшийся с тетрадкой и всякую свободную минуту посвящавший английскому языку.

– Но какой еще стране мы нужны?! – патетически спросил Авось.

– Ты бы раньше об этом задумался, надежа-государь! – налетели на него Фома с Еремой. Нелегкая гаркнула, Федора тоже веское слово сказала – и доблестное антиблинное воинство сцепилось самым пошлым образом.

Я вмешиваться не стала. В конце концов, мне даже Авось на самом деле не нужен. Я ведь его почти не поминала всуе, пока не проснулась на той горке. И Федора, и даже Кондратий – все они для меня были этакими спящими красавцами и красавицами. Ну, разбудила… Но если они действительно никому сегодня не нужны?

А завтра?..

Может, Авось все-таки прав и нужно возрождать забытое? По крайней мере, в этом благородном безумии больше достоинства, чем в пошлой эмиграции.

Ну, в общем, вмешалась.

– Ты действительно так считаешь? – спросил Кондратий и посмотрел на Авося. Потом – опять на меня, потом – опять на Авося. Чтоб я сдох – он ревновал! Ему втемяшилось в дурную

башку, будто я поддерживаю надежу-государя на из разумных соображений, а от слепой, глухой и безмозглой страсти.

– Но если этого не сделать сейчас, когда хоть я одна помню формулы и могу их произнести так, как полагается, то мы потеряем наших развоплощенных навеки!

Кондратий хотел было что-то этакое ответить, но тут со всех сторон загудело, зарычало, и редкой хреновости бас загромыхал:

– Сдавайтесь, вы окружены, блин! Выходи, на хрен, по одному!

– О-кей! – заорали со всех сторон.

Авось рухнул, как подкошенный.

– Доигрались, – сказал Кондратий.

– Что – окружены? Что – окружены?!. – закричали сгоряча Фома с Еремой. – Мы сейчас как попрячемся!.. Черта ли нас отсюда выковыряешь…

И тут оба почувствовали-таки зуд. Резко умолкнув, упрямые приятели стали себя ощупывать.

– Еще пара залпов – и меня тоже проймет, – буркнул Кондратий. – А ведь они еще орудий главного калибра в ход не пускали. Разбегаемся, братцы. Хоть кто-то уцелеет. Они же не знают, сколько нас тут.

– А где соберемся?

– На горку пробиваться надо, – сообразила Федора. – Там сильное место! Если все мы там соберемся – может, что и получится!

Она была права – не зря же блины с хренами вместо того, чтобы взять горку штурмом и уничтожить на ней всю этнографию, бродят патрулями вокруг да около.

– Попарно, – добавила я, потому что как иначе разделить поровну восемь персон? Фома с Еремой, я с Кондратием, а Авось пусть уж выбирает между Кривой и Нелегкой с их нежностями и Федорой, которая с ним нянькаться не станет.

Окружившие территорию блины не дождались нашего выхода с поднятыми руками и без предупреждения пошли на штурм. Мы узнали об этом по характерному свисту, который словно навалился сверху и едва не разорвал нам барабанных перепонок.

– Ложись! – крикнул Кондратий.

– Что это? – обалдело заорала Федора.

– Прикол! – с тем я и бросилась наземь.

Взрывом нас раскидало. Меня, поскольку успела залечь, прокатило, как рулон обоев, причем я собрала на себя немало грязи. Вот ведь шутили мы – приколись да приколись! – а он, сволочь, оказывается, почище артиллерийского снаряда.

Я вскочила на четвереньки, но никого и ничего из-за

поднявшейся пыли не увидела. Тут уж не то что попарно – в одиночку удирать надо, подумала я, и, в конце концов, не все еще потеряно! Кондратия голыми руками не возьмешь. Нелегкая тоже за себя постоит…

Но, в отличие от воплощенной команды, я знала одну важную вещь. Я знала, что такое промышленность. Любую фабрику, любой завод можно обносить трехметровым двойным забором и пропускать по нему ток, ставить полк охраны, барражировать сверху вертолетами и бомбардировщиками, и все же в заборе будет вполне комфортабельная дыра, о которой известно всему коллективу, от директора до уборщицы. Ну и несколько не таких комфортабельных. Главное – их отыскать…

Вместо того, чтобы удирать от блинно-хренового десанта, который со всех сторон уже сыпался через высоченное ограждение на территорию, я поспешила ему навстречу. Это было несложно – предприятий сдохло в разгар строительства нового цеха, и я перебегала от одной бетонной плиты, торчащей ребром, к другой. Пронестись же вдоль забора было вовсе плевым делом. Я только съеживалась, когда сверху попарно пролетали тяжелые солдатские шнурованные башмаки.

Наконец попался такой отрезок забора, где никто не сыпался сверху, и в нем-то, заросшем кустами, нашлась долгожданная щель. Я протиснулась в нее без всяких угрызений совести – и Кондратий, и прочие мои соратники там бы попросту застряли. Все – кроме Авося…

И тут же выяснилось, почему с этой стороны территорию не штурмовали. Там был заболоченный луг. А о том, что вдоль самой стенки вела узенькая тропочка, оккупанты, естественно, не подозревали.

Тропочка была хитренькая – выводила к роще, а потом к шоссейке, где в добрые старые времена была автобусная остановка. От нее даже остался столб. Я удивилась – кому мешал автобусный маршрут? Стала соображать. И вдруг меня осенило – да ведь этот маршрут пролегал поблизости от нашей горки! Вот почему оккупанты его отменили! Понять бы еще, с какой стороны эта самая горка…

Я пошла наугад и вышла к перекрестку. Хорошо, что кроссовки у меня бесшумные – не то бы как раз напоролась на пост. Это был тот самый пост, через который прорвался Авось – ближний к городу и последний из трех, если считать от горки.

Я сошла с асфальта и поняла, что совершила ошибку. Почва так и норовила чавкнуть у меня под ногами. Решив, что если двигаться очень медленно, то удастся избежать шума, я сделала первый шаг, очень долго погружала кроссовку в грязево и еще

дольше ее там устанавливала. Второй, третий и даже четвертый шаги состоялись благополучно, и я обнаглела.

– Кого там, на хрен, несет? – раздался грубый голос.

– Это типа я!

– Кто, блин, я?

– Я, блин, типа, ну!..

– Кончай базар, блин, вылезай!

– Типа не могу!

– Какого хрена?

– Живот типа схватило!

– Во блин!

Невеликое удовольствие – слушать, как у кого-то схватило живот. Поэтому дежурный хрен оставил в покое ту, кого он считал спрятавшейся в кустиках приблудной типой. Видимо, был уверен, что она, опроставшись, сразу на пост и заявится, потому что – зачем бы еще она сюда приперлась?

Я как можно тише поплелась прочь, уже плохо соображая, зачем мне это нужно. И оказалась в крапивных джунглях. Причем заметила это, уже забравшись довольно далеко.

Крапива – это такое дело, что вроде и не слишком больно тебя цапнет, а шарахнешься на метр. Вот я и шарахнулась, вот и наступила на сухую ветку, вот ветка и треснула!

Я была уже довольно далеко от поста, но – видать, по случаю облавы на заново воплощенных, хрены бодрствовали и патрулировали в окрестностях своей будки. Похоже, начальство догадалось, что мы будем пробираться к этнографической горке.

– Какого хрена? – окликнули меня с шоссе.

Я быстро присела на корточки. Темно, конечно, однако на шоссе через километр фонари понатыканы, вдруг патрульные мой силуэт, из крапивы торчащий, высветят? Просто так сюда ни один хрен не полезет, но если увидят силуэт…

Я оперлась рукой о землю и ощутила что-то ребристое, явно искусственного происхождения. Ощупала – вроде коробочки. И обрывки ремешка…

Я не верила собственным рукам, пока гусиным шагом не отползла метров на полсотни, где смогла кое-как разглядеть находку. И это действительно был оберег Авося, который он в истерике сорвал с себя чуть ли не месяц назад.

Что же такое говорил Кондратий про эти обереги? Как они действуют?.. Он сказал тогда – вроде бы жизнь продлевают. А когда – тогда? А когда мы с ним возвращались домой, делая привал в каждом стогу…

И тогда же возникла у меня в голове мысль… мысль…

Иногда ее, заразу, даже сей момент промелькнувшую, никак

не поймаешь. А тут пришлось ловить мысль некоторой давности…

Мы с Кондратием говорили о том, что блинов должно извести время! Мы рассуждали (когда, где?), что срок, отведенный Ерошке, который не пьет понемножку, конечен, стало быть, и срок блинов с хренами – тоже конечен! И должен же быть способ его как-то уплотнить, чтобы он поскорее окончился! И Кондратий выписывал формулы на бумажку… Блин-блин-блин, где та бумажка?!?

– Кто там, блин, конкретно орет?

По дороге проходио патруль и уловил мою перенасыщенную блинами мысль. Я не ответила, и патруль проследовал мимо.

Бумажка нашлась в труднодоступном месте – в заднем кармане джинсов. Вот говорят, задний карман – чужой карман, но бумажки в нем прятать – милое дело. Не то что вор – сам не выковыряешь, хоть штаны снимай.

Расстегнув молнию, я все же добыла сокровище. Но что с ним делать дальше – понятия не имела.

Тут послышался рев летящей издалека крупной машины. И с приближением к хреновому посту она скорости не скинула. Это означало, что шлагбаум она хочет проигнорировать. А кто в такую безумную ночь может проигнорировать шлагбаум оккупантов? Да только один лихой водила! То есть – Кривая!

Глава четырнадцатая Не верь своим очам – верь моим речам!

Я выдралась из кустов на дорогу. Вот-вот должны были появиться два налетающих из мрака огня. Я бы кинулась наперерез, размахивая руками и вопя! Но они не появились, хотя там, где за поворотом был пост, раздался недружный залп океев. А потом вдали сделалось светло и я увидела, как огромный и странный силуэт летит наобум Лазаря и все замедляет, замедляет свой ночной полет и, наконец, встает на мертвый якорь!

Я кинулась туда и, не добежав, уже сообразила, в чем дело.

Угнана была бетономешалка, а за рулем сидела вовсе не Кривая, которой по должности положено вывозить на любой дороге и на любом транспорте. И не Кондратий – он шоферил будь здоров как. За рулем был кто-то неопытный, не знающий, что тут имеется поворот, и не умеющий вовремя вернуть машину на асфальт.

Еще несколько шагов – и выяснилось, что загадочный водила еще не научился вырубать двигатель. Машина, увязнув по самое не могу, отчаянно крутила колесами! Ну, это могли быть только мои орлы и орлицы…

Дверца распахнулась. Стараясь не попадать в пучки яркого света от фар, я попрыгала по кочкам к бетономешалке и увидела в кабине свой старый плед. За рулем, выходит, была Федора, и она пыталась выкарабкаться на ступеньку, но пышные телеса явно мешали.

– Федорушка, голубушка! – завопила я, перекрикивая рев мотора. Она повернулась – и, чтоб я сдох, Голливуд бы за такую улыбку миллион баксов кинул запросто!

Кроме нее, в кабине были Ерема и все еще не пришедший в себя Авось. Он был зажат как раз между ними двумя.

– Вывезли поганца, – сказала Федора, и спасители. разом повернув головы. с ненавистью уставились на государя-надежу.

Я даже не спрашивала, как им, только что вернувшимся из небытия, ни разу за рулем не сидевшим, удалось справиться с бетономешалкой. Коли с ними имелся Авось, пусть даже полудохлый, – то и получилось на авось! Поблизости – с полкилометра, не больше, – был лес. И мы могли втроем перетащить туда тело государя-надежи…

Но бетономешалка, оказывается, приволокла на хвосте погоню. И не простую – тот, кто приказал уничтожить нас восьмерых любой ценой, не пожалел на это дело боеприпасов.

Только сам Хрен Лучезарный мог отдать приказ о биологическом оружии. Эта новая разработка еще только проходила полевые испытания. Хотя прессу очень редко пускали на полигоны, кое-что все же просочилось. И когда я увидела в мелькании огней, какую железную дуру устанавливают на шоссе неподалеку от поста, то все поняла.

– Ну, мы, кажется, сдохли… Нужно запираться в кабине!

– А что?

– Увидишь!

Тут и грянул первый залп.

Он был сделан скорее для пристрелки, потому что большая и гулкая бомба пошла с перелетом и треснулась оземь на самой опушке. Грянуло негромко, но сразу же дико загудело. Я напрягля и зрение и слух – гудящее облако металось меж стволов, находя какую-то неподходящую добычу, но мозгов, чтобы послать ее подальше и лететь за настоящей, у облака не было.

– Слепни, что ли? – догадался Ерема.

– Бляхи-мухи. Их специально в особых теплицах разводят. Редкая мерзость.

– Понавыдумывали! – возмутилась Федора. – Ведь это же стыд какой – от мух помереть!

– Зря мы того мужика, выходит, чуть не пришибли, – буркнул Ерема.

Оказалось – бетономешалку они заполучили совершенно бандитским способом. Мужик гнал ее от города к поселку, выскочил по малой нужде, не заглушив двигатель, тут они и приложили ручонки. Я удивилась – кому и зачем нужно кататься ночью на бетономешалке? Но журналистский опыт сразу же подсказал: мужик отвозил к себе на дачу ворованный бетон. Ворованный?.. Стойте!.. Так это что же?..

– Ерема! Мы должны до следующего залпа наладить шланг!

Как это делается – я знала не лучше Федоры с Еремой, но есть же в заднице у этой бочки что-то вроде вентиля!

Мы заперли Авося в кабине и кинулись искать этот самый вентиль.

Следующая бляхо-мухо-бомба разорвалась перед капотом. И тут же пошли на приступ по меньшей мере три взвода блинов. Пока бляхи-мухи бестолково метались перед фарами – отсекая нам дорогу к лесу, между прочим, – мы дождались первого залпа океев, Федора с Еремой залегли, а я, поскольку эта зараза меня не брала, ухватила толстенный, толще моего бедра, шланг с бетоном, развернула его раструбом от себя, поволокла его навстречу оккупантам и кинула им эту дрянь под ноги. Отскочила очень вовремя – а вот они влетели в растущее бетонное озеро, не

сообразив, что это за гадость такая, и подняли невразумительный ор.

Бляхи-мухи всем облаком полетели на шум голосов и по тупости своей стали садиться на ту же лужу.

– Федора, Ерема, окружайте машину бетонным кольцом, – велела я. – Тогда вас не возьмут!

Они подбежали, ухватились за шланг и потащили его против часовой стрелки, стараясь не вляпаться сами во временно жижкий, но довольно быстро твердеющий бетон. Я же поспешила к кабине. Там, переведя дух, наконец-то смогла заняться Авосем. Первым делом я приложила к его груди оберег. Он чихнул и открыл свои голубые глазищи.

– Где это я?

– Где-где! – я чуть не выразилась в хреновом стиле. – Очухивайся скорее. Нужно что-то делать. Где Кондратий? Где Нелегкая с Кривой? Фома где?

– Не знаю! Ничего не знаю!

– Ну и дурак! Они за тебя на смерть идут, а ты?!?

Авось – он и есть Авось, он думал, что одолеть оккупантов можно на авось. Он даже сейчас так думал!

– Бетон кончается! – заорала Федора.

Все-таки они окружили машину немалой бетонной лужей. Но если прибудет к блинам подкрепление, если пойдет по телам?

Я сунула Авосю бумажку с формулами.

– Вот из этого нам придется составить заклинание.

– Заклинание чего?

– Не знаю!

– Как оно должно действовать?

– Не знаю! Но это – все, что у нас осталось, понял, нет?

– Наше дело на срок не поспело, – прочитал Авось. – Бесполезно! Если так скажем – то сами же и накроемся… Ваше дело на срок не поспело!

Я выглянула из кабины. Со всех сторон мелькали огоньки. Мы были даже не в одном кольце, а в двух: в бетонном и в блинно-хреновом. Прелестная ситуация, дальше – некуда! А над машиной болталось облако блях-мух…

– Который час? – спросил вдруг Авось. Я чуть было не послала его в известном направлении, чудом вспомнила – это начало формулы.

– Овсяный квас! – ответила как можно громче.

– Котора минута?

– И ковшик тута!

– Который срок?

– Который сдох!

Но ничего не поделалось с наступающими оккупантами. Хуже того – справа от бетономешалки грянуло решительное «О-кей!». Я закрыла Авося собой – обошлось…

– Который час ударит, тот и сосчитаем… – бубнил Авось. – Часом опоздано, годом не поверстаешь!..

Оккупанты были совсем близко. Пора было, выскочив на ступеньку, лупить по ним из орудий главного калибра.

– А я вас долбала в зевало и в хлебало, в меч и в орало, в топку и в поддувало, через семь ворот, насквозь, наоборот, через ноздри в рот задом наперед!

Шарахнулись, гады! Вроде замерли. Надолго ли?

– Доля во времени живет, бездолье в безвремяньи! – вдруг странным голосом провозгласил Авось, и я почувствовала – он вошел в необходимый транс. Хватит ли его силенок для последнего удара – я понятия не имела. Нужно было как-то подключаться…

– Не век вековать, а час часовать! – вопил, высунувшись из кабины, Авось. – Будет час, да не будет вас!..

Формула была без завершения – и притом последняя. Если не сработает – кранты! Безумные и совершенно бесполезные мысли закувыркались у меня в голове. Я хотела добавить хоть слово, но язык отказал. И правая моя рука, действуя в автономном режиме, нырнула в карман куртки, достала оберег и запустила им в наступающих оккупантов!

Время замерло, разинув от удивления рот.

Мы с Авосем смотрели, как железная коробочка медленно летит по вмиг посветлевшему небу, летит далеко, так далеко, как я бы в обычной жизни ее послать не сумела. Мы увидели, как она завершает дугу и как исчезает среди блинных голов в касках и пилотках. Еще около двух секунд она пробивалась к бетону и, возможно, сквозь бетон – к земле-матушке.

И загудело, забурлило, завопило нечеловеческими голосами! Хоть уши затыкай! И чавканье раздалось страхолюдное, и гамканье, совершенно людоедское, и рухнул на меня сверху какой-то мелкокаменный дождик! Простучал по борту машины и по моей макушке – и сгинул.

Тишина продлилась достаточно долго, прежде чем мы с Авосем открыли прижмуренные глаза.

Не ночь, а день, и не осень, а ранняя весна – вот что делалось в мире. Солнышко светило на неожиданный пейзаж, словно радуясь ему, и луч, прикоснувшись к моему лицу, вызвал к жизни блаженную улыбку.

– Вот! – заорал Авось. – Ерема! Федора! Вот же, вот!!!

– Ой, мама дорогая! – завопила и я, глядя на страшное

зрелище.

Глава пятнадцатая Пошло дело на лад – и сам делу не рад

Много лет назад довелось мне видеть настоящие баррикады в самом центре города и даже забаррикадированный мост. Но тогда это казалось мне забавным, опять же – вот стоят бетонные кубы, а вот приехал автокран – и кубов больше нет.

Чтобы убрать тот кавардак, который устроил вокруг бетономешалки Авось (Авось, а не я, потому что формулы-то говорил он, а я только оберегом запустила!) нужно было пустить армию бульдозеров. И та бы застряла. Но если мы победили – так ведь и в городе, и по всему государству раскинулся сейчас этот невообразимый бардак!

Полуметровым слоем лежали блины – обыкновенные и горелые. За блинным кольцом громоздились кучи гнилого хрена, как будто вскрыли позапрошлогодние бурты спившегося с кругу колхоза. Бляхи-мухи мелкой зеленой дробью покрывали эти кошмарные залежи. Мало того, что ни проехать, ни пройти, так еще и с души воротило – уж больно неаппетитное было зрелище. Мне стало безумно любопытно – чем обернулись типы, но вряд ли в военных действиях участвовала хоть одна.

– И блины, и хрены!.. – повторял ошалевший Авось. – Кончился их срок! Федора! Ты смотри! Ерема! Ты гляди! Я все понял – как срок кончается, так и воплощение!

Слушать этого нечаянного победителя было выше моих сил.

– Ну и помойку же ты развел! – возмутилась я. – А убирать кто будет?!

– Да воплотились же, воплотились! – совсем сдурев от восторга и тыча пальцем вдаль, твердил Авось. – Смотри – и большие, и маленькие, и всякие…

– Тьфу на тебя!

– И пшеничные, и гречневые!..

Он имел в виду блины.

Федора, которая пряталась все время за колесом (насколько это вообще было возможно при ее габаритах), подошла к ступенькам. И уставилась на государя-надежу – мне сперва показалось, что с неслыханным уважением, а потом стало ясно, что с ужасом.

– Авосюшка! А как же мы отсюда выбираться-то станем?!?

Тот же вопрос был в глазах и у Еремы. Эта парочка, буквально выполнив мой приказ, замкнула бетономешалку в кольцо. И в кольце этом, возможно: уже насмерть окаменевшем,

были частично замурованы блины…

– Прорвемся! – весело отвечал Авось. – Сейчас Фома явится – он все придумает!

– Когда он чего придумывал? – удивился Ерема. – Да он и бетона-то отродясь не видывал!

– Да не твой! Другой! НАШ ФОМА! – Авось так это произнес, с таким невероятным почтением, что прямо на душе полегчало. Тем более, не впервые я слышала это имя.

Стоя на ступеньке, я смотрела вдаль – туда, где раскинулся по холмам, между озером и рекой, освобожденный город. И с трудом осознавала, что вокруг него – освобожденное государство. Странно мне было – кто бы мог подумать, что разгильдяй Авось совершит настоящий подвиг?

Белый джип вылетел из-за поворота. Поскольку хренов в живых не осталось, это могли быть только наши! И точно – подъехав, насколько это было возможно, джип остановился, оттуда выскочили Кондратий и Фома-который-не-тот.

– Э-эй, на бетономешалке! – крикнул Кондратий. – Жить вы там собрались, что ли?

– Мы в ловушке! – отвечала я. – Вот явится Фома!.. А что в городе?!.

– То же самое! Нелегкая от целого взвода отбивалась – он на нее и рухнул! Сидит сейчас, чистится! Кривая на автокране застряла! Ничего – там уже полно наших! Из всех щелей лезут! И все идут сюда! Ты приготовься, надежа-государь! Тебе речь держать!

– Какую речь? – не сразу сообразил Авось.

– К своему народу! Ты уж народишко-то не обижай! – в голосе Кондратия было какое-то загадочное глумление.

Увы, со своей ступеньки я не видела шоссе, ведущее от города, по всей его длине, а только тот кусочек, который от поворота. Если бы видела – по воздуху бы перенеслась в лес и там схоронилась.

Первыми выскочили, задрав хвосты, веселые телята. К счастью, до непроходимого кольца не добежали – а кинулись щипать на лугу первую травку.

– Куды!.. Я вас туды не гнал! – кинулся сбивать их в кучу бородатый дядька, надо полагать, Макар. – Иван! Помоги! Иван! Хворостину бери! Иван, справа заходи! В лес же уйдут! Иван! Слева забегай!

Иванов оказалось человек сорок – тех самых, родства не помнящих. Они принялись гоняться за телятами, перекликаясь пронзительно, а из-за поворота показалась толпа бедно одетого народа и, протянув вперед руки, устремилась к бетономешалке.

– Надежа-госуда-а-а-а-арь!!! Исполать! Раскудрить! Гой еси! Ныне и присно!..

– Егорушка! – завопила вдруг Федора. – Егорушка, здесь я!

И чуть было не кинулась прямо в блинное болото.

– Стой ты, дура! – удержал Ерема. – Сам явится! Все же испортишь!

И, став одной ногой на ступеньку, шепнул мне на ухо:

– Не идет Федора за Егора, а Федора идет – так Егор не берет…

– Государь-надежа-а-а-а!!! – вопили все эти воплощенные Иваны, Степаны, Федоты, Устиньи, Улиты, Ерошки, Яковы, Фетиньи, Акулины. Я узнала в толпе даже Прокопа и подивилась – где же он, предатель, болтался все эти дни? Напрасно Авось махал им рукой – они от радости совсем умом тронулись. Кондратий с Фомой-не-тем проехали на белом джипе чуть подальше и с интересом наблюдали за народным восторгом.

Вскорости прибыл и автокран с Кривой и Нелегкой, подрулил «мерс», из которого вышли растерянные, но пытающиеся сохранить лицо, Маша с Емелей.

Но государь никак не мог соединиться с верноподданными – мешало блинно-хреновое кольцо. Он только озирал их сверху, словно бы считал по головам.

– А Фома где?! – завопил вдруг Авось. – Фомы нет! Погодите, ребята, придет Фома – он все придумает!

И, приложив руки рупором ко рту принялся его звать. Я же руками показывала – мол, поддержите, мерзавцы, государя-надежу!

– Фо-ма! Фо-ма! – гремело над лугом и лесом. Пожалуй, что и до города долетало.

– Без Фомы уж и не знаю, как быть, – шепнул мне Авось и опять завопил как резаный. На особо пронзительном крике он закашлялся. Ерема, все еще висящий на ступеньке, похлопал его между лопаток, от чего Авось едва не сковырнулся наземь. И это все видели.

Тогда только наступило благословенное молчание.

Авось озирал с высоты свое притихшее воинство, а я осторожно толкнула Ерему локтем в бок и указала глазами на онемевшего оратора, а потом – и на остальных.

– Ждут Фому, чают – быть уму, – шепнул в ответ Ерема с трепетным уважением в голосе. Очевидно, и он, как Авось, надеялся, что явится некто, способный ответить на все вопросы и указать дальшейший путь.

– Идет, идет!..

Сколько восторга было в голосах! И некоторые даже

поспешили назад, к повороту – навстречу Фоме. Как выяснилось, правильно сделали: он умаялся, и его пришлось вести к блинно-хреновому кольцу под руки.

Когда Фома явился на видном месте, иные от неожиданности откровенно шарахнулись. И я тоже шарахнулась. А что еще непроизвольно сотворишь, увидев мелкого дедка в белой до пят рубахе и с подвязанной белым же платочком нижней челюстью? Покойник же, блин!

Поминать вслух блин я, конечно, не стала, иначе на меня бы он сверху и шлепнулся. Заклинание воплощения Авось еще не отменил и не собирался.

– Страшный Суд, что ли, настал? – прошамкал дедок, когда его от платка избавили. – Ну, простите, люди добрые, коли в чем перед кем согрешил!

И попытался преклонить колени.

Ему, конечно же, помешали.

– Да что ты, Фома?! – закричал Авось. – Опомнись! Ты нам всем сейчас очень нужен! Без тебя – никак!

– Ась?..

– Что нам теперь делать, Фома?! Придумай!

– Че-е-е —?..

Умный Фома, очевидно, никак не мог расстаться со старческим маразмом.

А ведь решить ему нужно было немало: как жить дальше, чем заполнить пустоту, оставшуюся после оккупантов, да и прежде всего – какими средствами убрать блинно-хреновое кольцо и соединить государя-надежу с его истосковавшимся воплощенным народом?

– Фома-а-а-а!!! – Авось орал уже на пределе голосовых связок. – Да опомнись же ты! На тебя вся надежда!

Дедок помотал головой.

– Обратно хочу, – жалостно попросился он. – Лежал себе на тихоньком погостике, спал… Нет же – из могилки вытряхнули, гонят куда-то… Так будет, что ли, Страшный Суд?..

Тут лишь я поняла окончательно, что имел в виду Кондратий. И посмотрела на воплощенную толпу с великим сомнением… Ведь половина – не жильцы на этом свете! Не возродятся они к нормальной жизни, зря мы их растормошили! Не заполнят пустоты!..

Ерема тем временем что-то горячо шептал на ухо Авосю. Тот слушал и кивал – наверно, запоминал умный совет в подробностях. Затем поднял руку, требуя внимания.

– Слушайте все! Во-первых, приказываю – проводить Фому на заслуженный отдых! Достаточно он потрудился на ниве русской

словесности! Будем решать, как жить, сами! А во-вторых, значит… Пусть кто-нибудь поедет в поселок за лопатами, чтобы убрать эту грязь!

Собственно, Авось имел в виду или «мерс» Емели, или телегу, запряженную старой клячей, на которой только что подъехала замотанная в платки баба. Не на автокране же за лопатами!

– А кому ехать-то? – спросил удивленный голос, и тут же голпа загудела: – Я – не могу! Мне – телят пасти! Я – ногу натерла! Мы – увечные!.. А я испила бражки да и лишилась рубашки, куда мне голой?!? Улиту пошлите, Улиту! У нее лошадь! Селифан, Селифан! А я в городе или в деревне?!

– Улита едет – когда-то будет, – буркнул Емеля. – А Селифан с Богданом всяко отвертится, потому как тут ни город и ни село. Так что же, нам вечно тут сидеть?

– Вон ты за лопатами поезжай! – наугад тыкал пальцем Авось. – И вон ты! Я выйду отсюда и поведу вас на гору, к древнему храму! И каждый там займет свое место! И будем мы снова единым целым, единой речью, могучей и прекрасной!

– Почему – я? – возмутились в толпе. – Как лопатой махать – так я?! Вот он пусть махает! А чем я тебя хуже? Аль я хуже людей, что везде стоя пью?!?

– Ерошка! – признала бзнакомца Федора. – Ну, с ним мы построим светлое будущее…

– Да что же вы?! Всего-то щель прокопать, чтобы нам отсюда выйти!.. – государь-надежа чуть не плакал, но его и не слышали. В воплощенном народе разгоралась склока.

Кондратий смотрел из джипа на толпу нехорошим взглядом. И на роже читалось: ну, знал я, что выйдет какая-то ерунда, но такого – не ожидал… И просить его, чтобы смотался за лопатами, я не могла. Я вместе с Авосем эту кашу заварила – а он, кстати, все время мое варево расхлебывал… в том числе и укропное…

– И эти раздолбаи займут пустое место, оставшееся после блинов с хренами? – спросила я Авося. – Да чем они лучше? Те хоть были лаконичные!

Авось не смог ответить – из глаз текли слезы.

– Других-то пока нет, – ответил за него Ерема. – Уж с этими придется как-то разбираться. Заново их к делу приучать… если получится…

Я оглядела широкое, метров в пятнадцать, если не больше, кольцо. Блины, видно, изначально были какие-то тухлые, а хрен в кучах – и на вид гнилой. Аромат над кольцом стоял невозможный.

– Авось… – я похлопала по плечу государя-надежу. – Ты не кисни! Что-нибудь и без Фомы придумаем! Авось! Ну, Авось?..

Авось, прорвемся!..

Рига 2001